

СЕРГЕЙ САМАРОВ

СПЕД СОКОЛА
книга третья
том второй
НОВЫЙ КУРС
НА РУЯН

След Сокола

Сергей Самаров

**След Сокола. Книга третья. Том
второй. Новый курс – на Руян**

«Автор»

2017

Самаров С. В.

След Сокола. Книга третья. Том второй. Новый курс – на Руян / С. В. Самаров — «Автор», 2017 — (След Сокола)

«... Чем больше людей продвигается в воинской колонне, тем медленнее эта колонна перемещается. Эту известную прописную истину князь-воевода Дражко знал уже давно, с тех самых пор, когда впервые сел в седло и возглавил первый свой полк. Было это еще в земле лужицких сербов, когда в результате заговора бояре убили отца Дражко, и будущий князь-воевода со своим полком спасал мать, вывозя ее к сестре, матери князя Годослава. Большой полк продвигался медленно. И Дражко, не имея боевого опыта, взяв с собой только три сотни, прорывался через поля и леса через земли союзных восставшим изменникам лютичей. Пробился, проведя два победоносных боя, оставил мать уже в княжестве бодричей, и вернулся к своему полку, чтобы и его вывести. И вывел. С тяжелыми боями, медленно, но все же вывел. От полка к тому времени осталась только половина. Половина уже могла продвигаться быстрее и незаметнее. Это, малое количество воев, их и спасло, еще тогда понял Дражко. Именно потому он взял из своей сотни сопровождения только десятков стрельцов, которые имели легкое вооружение и легкую броню, и именно с ними отправился назад в Кореницу. И приказал остаткам своего сопровождения, куда входила полусотня конников и три десятка стрельцов, поскольку один десяток был отправлен в Кореницу раньше, по возможности быстро следовать ускоренным походным маршем в том же направлении, что и он. Сам же с десятком стрельцов сразу погнал коней. По времени года дорога была и не пыльной, и не грязной – зимних дождей давно не было, и потому маленькая группа могла поддерживать достаточно высокую скорость. И даже ветер, который пришел совсем недавно вместе с легкой поземкой, и старался иссечь лицо, не сильно мешал. Ветер дул с полуночной стороны, и был откровенно сырым, неприятным. Наверное, человеку, передвигающемуся пешком, причем, неторопливо, без напряжения, ветер и был бы излишне неприятен. А конникам, которые постоянно в напряженном движении, несмотря на то, что передвигаются сидя, ветер был не так и страшен, хотя он соединял в противодвижении собственную

силу и скорость всадников, тем не менее, напряженная скачка не давала возможности замерзнуть даже на ветру. От быстрой скачки тело напрягалось, кровь начинала бегать по венам, и это согревало. Только лицо страдало – краснело от ветра...»

© Самаров С. В., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	15
Глава третья	23
Глава четвертая	32
Глава пятая	40
Глава шестая	49
Глава седьмая	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Сергей Самаров
След Сокола. Новый курс – на Руян
786 год
Книга третья. Том второй
Роман

© Самаров Сергей Васильевич, 2016 год

Глава первая

Чем больше людей продвигается в воинской колонне, тем медленнее эта колонна перемещается. Эту известную прописную истину князь-воевода Дражко знал уже давно, с тех самых пор, когда впервые сел в седло и возглавил первый свой полк. Было это еще в земле лужицких сербов, когда в результате заговора бояре убили отца Дражко, и будущий князь-воевода со своим полком спасал мать, вывозя ее к сестре, матери князя Годослава. Большой полк продвигался медленно. И Дражко, не имея боевого опыта, взяв с собой только три сотни, прорывался через поля и леса через земли союзных восставшим изменникам лютичей. Пробился, проведя два победоносных боя, оставил мать уже в княжестве бодричей, и вернулся к своему полку, чтобы и его вывести. И вывел. С тяжелыми боями, медленно, но все же вывел. От полка к тому времени осталась только половина. Половина уже могла продвигаться быстрее и незаметнее. Это, малое количество воев, их и спасло, еще тогда понял Дражко.

Именно потому он взял из своей сотни сопровождения только десятков стрельцов, которые имели легкое вооружение и легкую броню, и именно с ними отправился назад в Кореницу. И приказал остаткам своего сопровождения, куда входила полусотня конников и три десятка стрельцов, поскольку один десяток был отправлен в Кореницу раньше, по возможности быстро следовать ускоренным походным маршем в том же направлении, что и он. Сам же с десятком стрельцов сразу погнал коней. По времени года дорога была и не пыльной, и не грязной – зимних дождей давно не было, и потому маленькая группа могла поддерживать достаточно высокую скорость. И даже ветер, который пришел совсем недавно вместе с легкой поземкой, и старался иссечь лицо, не сильно мешал. Ветер дул с полуночной стороны, и был откровенно сырым, неприятным. Наверное, человеку, передвигающемуся пешком, причем, неторопливо, без напряжения, ветер и был бы излишне неприятен. А конникам, которые постоянно в напряженном движении, несмотря на то, что передвигаются сидя, ветер был не так и страшен, хотя он соединял в противодвижении собственную силу и скорость всадников, тем не менее, напряженная скачка не давала возможности замерзнуть даже на ветру. От быстрой скачки тело напрягалось, кровь начинала бегать по венам, и это согревало. Только лицо страдало – краснело от ветра.

Несколько раз князь-воевода на скаку прикладывал руку к груди, где у него в кармане под кольчугой был спрятан флакон с противоядием, полученным от жалтонеса Рунальда для князя Войномира. Карман на груди был не глубоким, и князь-воевода Дражко опасался потерять ту драгоценность, которая заставила его так торопиться. Хорошо еще, что тяжелая кольчуга сидела на нем плотно, и придавливала карман, не позволяя флакону перемещаться.

Одновременно с князем-воеводой торопилась и ночь. Темнота встала уже тогда, когда дорога вывела всадников к крепости Руйгард. И, даже при всей своей торопливости, Дражко не забыл, что он является еще и воеводой княжества, следовательно, отвечает за боеспособность всех полков, в том числе и на острове. Как эта безопасность соблюдается ночью, в условиях плохой видимости, Дражко не знал. Но узнал. Уже неподалеку от поворота дороги, когда следовало свернуть направо, чтобы ехать дальше в Кореницу, или налево, чтобы попасть в Руйгард, маленькому отряду князь-воеводы встретился конный патруль.

– Кто едет? Стоять! – раздался голос из темноты.

Дражко натянул повод, только замедляя бег коня, но не останавливая его полностью.

– Князь-воевода Дражко! – пришлось представиться в темноту.

И только после этого с двух сторон дороги, и с третьей стороны, спереди, выехало три десятка конников-копьемосцев. Копья у всех были, кстати, опущены в боевое положение, и готовы были к атаке, хотя для копейной атаки, конечно, требовалась скорость, а набрать скорость они не успели бы. Но многие славянские копейщики пользовались вместо скорости

хорошо отработанным мощным ударом, наносимым рукой. Славянские копья были не такими длинными, как, например, свейские, и рука справлялась с ними, хотя тоже, конечно, не каждая. Обычно копейщики тренировали одну руку, которая развивалась сильнее. Второй, которая держала щит, такой мощи не требовалось.

– Здрав будь, князь-воевода, – басовитым голосом с характерной морской хрипотцой, присущей многим жителям Руяна, сказал, видимо, немолодой вой из тех, что приближались с дороги. – Я десятник Пребыша из ночной стражи крепости. Верно ли – это ты, князь-воевода?

Десятник подъехал ближе, чтобы внимательнее рассмотреть Дражко. Он, в самом деле, был немолод, но еще крепок, и, похоже, весьма силен. Князя-воеводу узнать было не трудно, тем более, тому, кто видел его хотя бы раз.

– Я помню тебя, Пребыша, – сказал Дражко. – Ты приводил три с лишним года назад мне полусотню копейщиков с острова.

– Да, княже, – сказал десятник. – Извини, что задержали тебя. Следуй своим путем... Эй, там, освободите князю-воеводе дорогу.

Топот копыт впереди показал, что приказание десятника выполняется.

– Так всю ночь по дороге и ездите? – задал Дражко естественный вопрос.

– А как же, княже... Держать стражу на дороге куда как дешевле, чем стены у Ральсвика возводить. Да и нет таких стен, которые штурмом не взять. Стены, говорят, не спасение, если беда придет...

– Много ли таких групп?

– Четыре.

– Что-то нам только одна ваша и встретилась!

– А мы вас давно уже ведем. И окружили со всех сторон. Все четыре группы здесь. Больше сотни воев. Сила немалая.

– Это хорошо. Мы вас второпях и не заметили. А скажи-ка мне, Пребыша, тут другой десяток должен бы недавно проскакать...

– Их тоже останавливали. Только еще светло было. Дневная стража останавливала. Мне только сказали про них. Часа два уж, почитай, прошло. Дальше поскакали. Там одни стрельцы, мне сказали...

– Да. Со мной тоже одни стрельцы.

– Ночной дорогой от стрельцов толку мало. Ночью копейщики нужны или меченосцы.

– Наверное, ты в чем-то прав, десятник. Только мне нужна была не защита, а быстрые ноги коней. Для меня сейчас это важнее.

– Тогда, княже, скажи... Мы тебе не мешаем. А что все в Кореницу сегодня направляются? И все в ночь...

– А еще кто? – спросил Дражко.

– Еще дюжина воев проскакала в дневную стражу. Сказали, боярин вызвал. Это где-то за час до твоего десятка стрельцов.

– Завтра там заседание боярского совета, – подтвердил Дражко. – Бояр там много понаехало. И еще, думается, за ночь понаедет. Оружные вои скакали?

– В полном облачении. Из них два стрельца. У других простые луки у всех. При полном доспехе. Как на сечу поехали. И не больно спешили, не как вы... Да, к утру, все одно на месте будут. Тут дорога одна, не заблудишься.

– А к какому боярину? Кто их вызвал?

– Если и сказали, мне не передали. Наверное, и не сказали.

– Ладно. Несите дозор... – сказал князь-воевода, и ударил коня пятками. Благородное животное сдерживалось только натянутыми удилами. И, когда Дражко отпустил натяг узды, резко сорвалось с места.

Дорога была свободна. Десяток стрельцов сопровождения устремился за князем-воеводой.

Дражко скакал, и думал о том, кто из бояр и с какой целью мог вызвать десяток полностью вооруженных воев в Кореницу. В принципе, в этом страшного ничего не просматривалось. Только другой вопрос возникал: в Кореницу ли действительно ехали эти вои?

Но разрешить этот вопрос можно было только тогда, когда Дражко сам в Кореницу придет. Хотя, возможно, разрешить придется раньше. Это Дражко тоже предвидел, и потому напряженно всматривался не только в дорогу под копытами коня, но и дальше...

* * *

Дорога если и утомляла, то только своей монотонностью. Ночь была темной. Видно почти ничего не было. И потому гнать лошадей во всю прыть возможности не было. Легко было зазеваться, и с дороги куда-нибудь в болото улететь. Болота только легким ледком скованы. Выбираться потом долго, если вообще можно выбраться, а то угодишь, чего доброго, в топь...

Изредка виднелся где-то в стороне огонек. Вероятно, там находилось какое-то небольшое селение. Больших селений здесь не было, как хорошо знал Дражко. Смерды живут в землянках. Они и окон не имеют. И не жгут ночами огни. Незачем им это. А свет может гореть только в окне какого-то достаточно зажиточного дома. В сельской местности не было той строгости с ночным тушением огней. Здесь люди если и боялись пожара, то за себя сами отвечали, и потому могли жечь или свечи, или масляный светильник, когда в этом потребность была, и желание.

И только князь-воевода подумал об этом, как его нос уловил отчетливый запах гари, приносимый ветром откуда-то с дороги. Но ветер был сильным, и мог принести запах издалека. Огня видно нигде не было. А запах был такой, словно пахло горелым маслом. А тут как раз и луна из-за туч выглянула, большая, хотя и не полная. До полнолуния оставалась еще, пожалуй, целая поладеница¹. Дражко подогнал коня, поскольку луна давала возможность лучше видеть дорогу впереди. И даже относительно далеко.

Однако у стрельцов сопровождения, что не отставали от князя-воеводы, зрение все же было лучше, чем у Дражко. И они видели привычно дальше. Десятник стрельцов Распута подогнал своего рыжего скакуна, и, поравнявшись с Дражко, показал рукой вперед. Лошади быстро преодолевали расстояния. Теперь уже, пока рука десятника поднималась и опускалась, и князь-воевода что-то непонятное впереди увидел. И слегка подтянул повод коня. При этом не забыл уже привычным движением ощупать себе грудь. Флакон с противоядием был на месте.

Распута еще раз рукой махнул. Стрельцы сопровождения увидели движение руки своего десятника, и тут же обогнали князя-воеводу. Мгновение только и прошло, а уже у каждого в руках был лук, и стрела была наложена на тетиву. Остановиться никто не пожелал. Дальше двигались по-прежнему быстро, но уже не на полной скорости. Где-то в стороне и чуть позади заржала вдруг лошадь. Дражко повернулся на звук, и только тогда остановился. Остановились и стрельцы, и только Распута, позвав за собой одного из них, двинулся вперед, вытягивая голову, чтобы лучше видеть.

Дражко прислушался.

– Кто-то к нам скачет. Догоняет, кажется... – сказал один из стрельцов.

– Нет, со стороны скачет...

¹ Поладеница – название недели в древнеславянском календаре. Поладеница считалась богиней. Состояла из девяти дней. Они несли числовую форму, и назывались: Понедельникъ, Вторникъ, Третьейникъ, Четверикъ, Пятница, Шестица, Седьмица, Осмица, Неделя. Славянский месяц состоял из сорока дней. Славянские сутки состояли из шестнадцати часов.

Заржал конь под самим Дrajко. Что-то почувствовал. Коню сразу же ответил прежний лошадиный голос. А через несколько мгновений в темноте стало заметно движение. Еще две лошади стрельцов призывно заржали. И только после этого на дорогу позади группы выскочил каурый конь, и несколькими радостными скачками приблизился к всадникам. Кони – существа табунные, не любят одиночества. Тем более, в ночи.

– Конь из нашей сотни, – сказал молодой конопатый стрелец, и шмыгнул курносый носом. – К нашим коням, как к своим прибежал. Это из того десятка, что с Квашней поехали. Точно, я узнал его. Радош, кажется, парня звали. Усы еще у него, как стрелы были, в стороны торчали. Тонкие и длинные. Точно, его конь...

– Почему «звали»? – спросил Дrajко. – Почему «были»? Может, просто привал стрельцы устроили, и конь убежал...

Стрелец показал на круп коня перед седлом. Круп был обильно полит кровью, хотя сам конь не выглядел раненым.

– Привяжите коня на повод, – распорядился князь-воевода. – Едем. Вперед!

Впереди, кстати, уже видно было десятника и стрельца, что с ним поехал. Они возвращались. Встреча произошла через двадцать шагов.

– Что там?

– Костер был у дороги. Прогорел уже. Дрова маслом политы. Оттого и запах.

– Маслом? – переспросил Дrajко. – Зачем в костер масло лить? Разжечь не могли?

– Мы так делали, когда засаду устраивали, – рассказал Распута. – Зажигали костер у дороги. Двое у костра. Ждали людей. Они подъезжали, останавливались, заводили обычный разговор. В это время плескали в костер масло, чтобы ярче пламя было. Приехавших было лучше видно. И их расстреливали. Так и здесь...

– Квашня? – спросил напрямую князь-воевода.

– Нет. Мы дальше проехали. Там два тела на дороге. Наши стрельцы. И рядом с дорогой шесть тел. Все убиты стрелами. Квашню с десятком, наверное, встретили, двоих подстрелили... – Трех... – поправил себя сотник, глядя на коня, привязанного к луке седла, – остальные прорвались, и через плечо в темноту отстреливались. Шестерых положили, других не увидели. Спрятались, должно, хорошо. В темени что не спрятаться...

– Рассказываешь, как сам все видел, Распута... – сказал Дrajко.

– Видел – не видел, а Квашня прорвался, и с ним осталось семь человек. Это восемь стрел. Двое, значит, не стреляли. Наши стрельцы промахиваться не умеют. Не в кого было стрелять. Я так, княже, думаю... Засада это была. На твоего посыльного. Нам у Руйгарда стража говорила, что дюжина воев проехала. Это они, стало быть, и были. Шесть тел... Вой в полном вооружении. Один из них стрелец... А там два стрельца было. Они наших и убили...

– Едем, – распорядился Дrajко.

– Поехать-то никогда не поздно, – раздумчиво сказал Распута. – Только ты, княже, не обижайся уж, мы все под глазом Семаргла ходим. И никто не знает, когда Семаргл над ним склонится. Если мы по важному делу коней загоняем, ты уж, княже, скажи нам, что делать, если стрела из темноты в тебя угодит. И вдруг Квашня тоже не доехал... И его поручение тоже передай... Хоть один из нас доберется, выполнит.

Князь-воевода, готовый уже погнать коня, снова натянул повод. Вообще-то стрельцы – это простые вой, и делиться с простыми воями ими информацией как-то всегда считалось ненормальным, даже слегка унижительным. Тем не менее, дело было настолько важным, что выполнить его было необходимо при любых обстоятельствах. И Дrajко решил. И, остановившись в кругу стрельцов, все рассказал. И похлопал себя по груди, где под кольчугой хранился флакон. И о поручении к Квашне тоже сказал. Стрельцы выслушали князя молча. Но они от откровений князя-воеводы тоже доверием к нему прониклись.

– Будь уверен, княже, – сказал десятник Распута. – Хоть один из нас в живых останется, донесет до князя Войномира противоядие.

И как раз в этот момент откуда-то из темноты прилетела стрела, и ударила в спину курносого молодого стрельца, что чужого коня опознал. Наконечник стрелы вышел через грудь. Кровь ручьем хлынула изо рта, и стрелец упал на шею своему коню. Седло и стремена его еще держали, но держали они только мертвое тело. Другие стрельцы среагировали сразу. Стрельцы умеют по направлению чужой стрелы просчитать место, откуда стреляли. Луки были еще у всех в руках. И десяток стрел даже без команды одновременно сорвался с луков. Все были направлены в одну сторону. И что-то стрельцы, в отличие от князя-воеводы, слышали, потому что сразу трое по знаку десятника устремились с дороги в сторону, на ходу еще по стреле вытаскивая, чтобы быть готовыми к следующему выстрелу. Все сильно пригибались к гривам своих лошадей. Сам десятник и остальные стрельцы сразу соскочили с седел, и встали, прикрывшись конями. Это же с небольшим опозданием сделал и Дражко. Но стрел из темноты больше не прилетало. Только там, куда поскакали трое стрельцов, звякнул металл о металл, и звук этот, всем хорошо знакомый, подсказал, что кто-то нанес удар мечом. Еще через мгновение звук повторился.

Трое стрельцов вернулись вскоре. С собой никого не привели. Коротко, как о чем-то обыденном, доложили:

– Их там четверо было. Двоих сразу стрелами свалило, когда мы отсюда стреляли. По три стрелы в каждом. Двое осталось. Стрелец и вой. Пешие. У ихнего стрельца стрел не было. Кончились, видимо, или тул потерял. Скорее, потерял, когда прятался от десятка Квашни. С собой у него тула не было. Последнюю стрелу в нас послал. У воя простой лук. Стрелец пытался его стрелой стрелять, но коротка оказалась, под ноги моему коню упала. Они за мечи схватились, пришлось и нам. С коня бить сподручнее...

Пленного для допроса взять, значит, не удалось. Хотя князь-воевода и не просил об этом. Просто не успел, так быстро стрельцы ускакали в темноту.

– Где-то еще двое, значит, бродят, – вслух подумал десятник Распута.

– С лошадьми, должно быть, где-то вдалеке стоят, морды зажимают, чтоб лошади не заржали. Боятся, что их обнаружат.

Распута посмотрел на Дражко.

– Искать не будем, – решил князь-воевода. – Некогда. Найдем – не найдем в темноте... Знаем ведь, только по какую сторону от дороги...

Вся группа уже сидела в седлах.

– Вперед! – распорядился Дражко.

Кони с места взяли в карьер. Путь еще предстояло преодолеть немалый...

* * *

До въездных ворот Коренице добрались без происшествий. Подскакали сразу за каким-то небольшим отрядом – десяток конников сопровождали носилки, несомые четырьмя крепкими парнями без доспехов. Видимо, кто-то из бояр прибыл на заседание боярского совета или просто потому временно переселился в Кореницу, что здесь обосновался князь, рядом с которым бояре и стремились держаться... Князь-воевода своим званием пользоваться не стал, чтобы не создавать сумятицу при въезде, и придержал коня, давая возможность носилкам и их сопровождению зайти в город. А сам остановился уже под сводом ворот, не доехав пять шагов до захоба, кивнул вою в светлых доспехах. Вой, узнав Дражко, быстро приблизился.

– Кто тут у вас командует?

– Сотник Магнус Бычья Кость.

– Зови быстро...

Вой убежал во внутреннее помещение, и почти сразу оттуда выскочил высокий, худощавый и жилистый вой в очень длинной, ниже колен кольчуге. Если такому высокому вою кольчуга была длинной, то обычному человеку она была бы до пят. Вой был одноглазый. Один глаз прикрывала светлая повязка. Он подскочил к князю-воеводе, и замер перед его конем.

– Я – сотник Магнус, княже-воевода. Командую ночной сменой. Ты заметил какой-то непорядок в охране? Вели наказать меня или исправить непорядок.

– Нет, сотник, Успокойся. Непорядка я не заметил. Я спросить хотел. Перед собой я послал одиннадцать стрельцов, которые попали в засаду, где потеряли троих. Значит, их осталось восемь человек. Должны были сразу проехать к князю Войномиру. Были такие? Добрались?

Сотник явно почувствовал облегчение, когда узнал, что у князя-воеводы нет претензий к охране ворот. Это было заметно уже по одному тому, как Магнус расслабился.

– Проехали, княже. Уж пару часов, как проехали. А то и раньше... Стрелец Квашня. Мой названный брат, проехал. И с ним семь стрельцов. У одного лошадь ранена, но не сильно. Про засаду ничего не говорили.

– Куда проехали? Видел?

Сотник не задумывался с ответами, не тянул время. В нем сразу чувствовался человек военный и деловой.

– Квашня сказал, сразу к князю во Дворец. В ту сторону и поскакали. Я им пароль² для ночной стражи сказал. Иначе не пропустят. У нас с этим, когда князь в городе, строго. Ночная стража у каждой рогатки стоит³. Но тебе, княже, пароль не нужен. Тебя в Коренице всякий вой по усам узнает. Назовешь себя, и проедешь.

– Надеюсь, что узнают. Только вот еще что мне скажи. Между группой Квашни и нами, никто не проезжал? Из той засады, что на Квашню выставлялась, пятеро осталось. Троих мы уничтожили. Два человека живыми во тьму улизнули. Могли нас обогнать, могут и позже приехать. Voi в полном боевом облачении. Не было никого?

– Недавно двое на взмыленных лошадях приехали. К боярину Пламену, сказали, из Арконы прискакали. В полном вооружении. Непонятно только, почему через наши ворота. Если из Арконы, могли бы и через закатные проехать. Так ближе. Хотя, дом боярина у восточной стены. Может, просто не хотели через город ехать. Улицы все на ночь перегорожены. Вокруг стен, пусть и дальше, но быстрее, пожалуй, получится.

– Спасибо, что все знаешь. Но смотри внимательно. Может, еще двое приедут. Спрашивай все. Я утром пришлю к тебе человека. Ему расскажешь.

– Я службу знаю, княже. Все расспрошу, – пообещал сотник Магнус.

– А как тебе Квашня названным братом стал?

– Так я из рабов вышел. Меня вагры привезли со свейских земель. Там младшим ярлом в семействе ярлов был. Но мне тогда было четырнадцать лет, хотя оружие в руках я уже держал. Восемь лет в рабах проходил. На десятый год меня хозяин отцу Квашни подарил, в Свентану. Не знаю даже, за какие услуги. А тот меня, как сыновей держал, и воспитывал вместе с ними. Хотя я годков на десять постарше его сыновей был. Стрелецкому делу учить уже не стал, сказал, что поздно уже по годам. Но в дружину городскую отправил, когда мои десять лет рабства кончились⁴. А перед этим оженил. Там я сначала десятником стал, потом, после того, как ты

² Существование паролей имеет давнюю традицию. Использование паролей в Древнем Риме описывает еще древнегреческий историк Полибий (201 г до н. э.). Тогда в качестве пароля использовались дощечки с написанным условным словом. Позже это слово стало передаваться устно.

³ В средневековых городах улицы на ночь перегораживались рогатками, мешающими проезду и проходу. Неподалеку от рогатки обычно располагалась и городская стража.

⁴ Срок рабства у славян длился только десять лет. После этого раб имел право домой отправиться, но мог остаться и в доме, где содержался, если семья не была против. Так раб становился членом общины. И никого не интересовала его изначальная

данов разбил три с половиной года назад, воевода Полкан и сотником сделал. А потом уже я на Руян перебрался. Здесь у меня родной брат объявился. Кормчим у боярина Колльбьерна служит. Свою лодку в Ральсвике держит. С боярской дружиной в набеги плавает. Меня с собой звал, но я уж к городской службе привык. Море меня не манит.

– На родину не тянет? – поинтересовался Дражко.

– А кто меня там ждет? Кому я там нужен? Родителей давно на погребальный костер вознесли. Здесь и брат, и семья. Да и свыкся уже.

– А вот скажи мне такую вещь, может знаешь...

– Слушаю, княже...

– Боярин Колльбьерн сдает внаем стрельцов. Недавно три сотни кому-то сдавал. Должны были вернуться. Вернулись уже?

– Колльбьерн в Руйгарде живет. А стрельцов своих в Ральсвике держит. Ко мне оттуда вести не каждый день приходят. Ничего сказать не могу, княже. А что за интерес у тебя до стрельцов боярина?

– Думаю вот, нанять на важное дело.

– Поход, княже, замыслил? Так у нас говорят в народе. Если сам Дражко приехал, знать, быть походу.

– И куда меня в поход отправить хотят?

– Как всегда ты делаешь... Кто княжеству угрожает, на того сам первым и идешь походом.

– А кто нам сейчас угрожает?

– Слухи ходят, лютичи на границе полки собирают. Так торговые люди говорят.

Князь-воевода усмехнулся.

– Ладно. Неси свою службу, как раньше нес. Люди всегда лучше меня знают, куда и когда я в поход собираюсь. Так уж издавна повелось. И почему-то потом оказывается, что они были правы, и я, в самом деле, именно туда походом и вынужден отправиться. Наверное, есть в этом своя правда, только к ней тоже привыкнуть следует. Лютичи, говоришь... Ну, это не впервой...

Дражко тронул коня пятками, стрельцы десятка Распуты тронулись за ним. Но сам князь воевода, хотя только что высказывался на эту тему, продолжал думать о ней с удивлением. У него в голове только-только еще начали появляться мысли о предотвращении нашествия лютичей, еще ни с кем, даже с Войномиром этими мыслями не делился, а в народе об этом уже говорят. Может, народная мысль и толкает воев в поход...

* * *

Князю-воеводе пароль для проезда по городу, и правда, был не нужен. Несмотря на темноту, что стояла на узких улицах города, около каждого поста с расставленными поперек улицы «рогатками», горели факелы, рукояткой вбитые в кучи с песком. Когда Дражко с сопровождением приближался, кто-то выходил, князя-воеводу сразу узнавали, следовала команда, рогатки раздвигали, и маленький отряд следовал дальше – в сторону Дворца. И, чем ближе к Дворцу князя, тем чаще стояли посты. Система эта была давно продумана, и соблюдалась неукоснительно на протяжении многих лет.

Задержались только на небольшой площади перед храмом Яровита, где сегодня должна была пройти торжественная служба. Несмотря на ночной час, там уже толпился народ, стояло трое носилок с телами умерших, и близко к входу были выставлены детские люльки с грудными детьми⁵. Дражко бросил по монетке на рушники, расстеленные перед каждым носилками, и,

национальность.

⁵ В дни крупных языческих праздников перед храмами выставлялись носилки с умершими безвестными или бездомными людьми, собиралась милостыня на погребение. Там же выставлялись детские люльки с сиротами, чтобы бездетные родители

не слезая с коня, заглянул в каждую детскую люльку. Все дети на свежем воздухе крепко спали, и князь-воевода поехал дальше. Он знал, что здесь происходит, и потому вопросов не задавал.

Так и доехали до Дворца. Еще на подъезде князь-воевода увидел свет в окнах второго этажа правого крыла. На первом этаже около входа масляные светильники горели всегда, и этому удивляться не стоило. Судя по слабой интенсивности света на втором этаже, там горели свечи. Дажко оставил стрельцов сопровождения у дворовых ворот, а сам проехал к парадному крыльцу, где его встретил сам бургграф воевода Славен, услышавший, видимо, цокот лошадиных копыт по деревянной мостовой. На Руяне, в отличие от Рарога, мостовые еще не начали выкладывать обтесанными камнем, предпочитая по-старинке дерево...

могли взять на воспитание ребенка. Обычай был одинаково распространен и у западных, и у восточных славян, хотя восточные славяне не строили храмов, предпочитая особняком стоящие капища. Позже этот обычай перешел и в христианское славянское общество, и сохранялся у восточных славян, в частности, на Руси вплоть до семнадцатого века.

Глава вторая

– Здрав будь, княже... – Славен приложил руку в кольчужной рукавице в груди, и едва заметно поклонился, причем поклон больше совершала голова, тогда как плечи оставались, практически, на месте.

– Здрав будь и ты, воевода, – ответил Дражко, опираясь при подъеме на крыльцо на большущий с витой резьбой столб-опору. – Вижу, света в окнах много. Князь Войномир не спит?

– Пять минут назад еще сидел в рабочей горнице, какие-то записи делал. Готовится к завтрашнему совету. До этого, как ты уехал, все над бумагами сидел, что бояре принесли, разбирал. Что-то выписывал, переписывал. Не княжеским, мне кажется, делом занялся. Как дык какой-то. Впрочем, это не моего ума дело...

В голосе бургграфа слышалось непонимание и осуждение. Славен, видимо, предполагал, что князь должен только полки в сечу водить, как водил их когда-то в Бьярмии, где не был правителем территории, где от него не требовалось больше ничего, только военные походы. И воевода не совсем понимал, что такое правитель острова, как и правитель княжества. Сам Дражко помнил, что еще его отец не любил сидеть с бумагами, не любил вникать в тонкости, и тем вызвал недовольство и в народе, и среди бояр, и в своей дружине, которой, в результате, не хватало средств. А результатом этой нелюбви стало смешение князя с княжения. Когда князь-воевода видел за бумагами князя Годослава, он, не наученный собственным отцом, только жалел его, не умея помочь, и облегчить участь правителя. Но часть этой участи князь Годослав взвалил на своего племянника. И Войномир, кажется, взялся за дело с усердием. То есть, делал то, что сам князь-воевода делать не умел. Значит, и помочь в этом деле не мог.

Но помочь он мог в ином. Дражко хорошо понимал, что бояре привычно говорят одно, а делать будут совершенно другое, и всегда будут стараться сохранить свои возможности к обогащению, и не остановятся ни перед чем, даже перед физическим уничтожением князя, который пытается навести порядок. Где есть порядок, там меньше возможности для воровства. Потому бояре и не хотят установления порядка.

– Воевода, с утра пораньше, перед сменой стражи, навести ворота, через которые мы въезжали. Там есть такой одноглазый сотник стражи Магнус Бычья Кость. Найди его, и скажи, что прибыл от меня. Он скажет тебе, приезжал ли кто-то еще в город после нас.

– А до вас?

– Это он уже все рассказал.

– Прибыл стрелец Квашня, сказал, что от тебя со срочным донесением к князю Войномиру. Я хотел передать донесение, он сказал, что оно устное. Я провел его, хотел присутствовать, но княже приказал мне выйти. Он этого стрельца хорошо знает. Ты присылал его?

– Да. Как Войномир к моему донесению отнесся?

– Этого я не знаю. Только приказал мне вынести из его комнаты кувшин с водой, и вылить, а взамен самому, непременно самому, набрать воды из колодца, и поставить к нему в комнату. Никого при этом в комнату не пускать.

– Это правильное решение. Значит, внял моим словам...

– А что происходит?

Князь-воевода посмотрел на трех воев дворцовой стражи, и двух воев полка Славена, что стояли у бургграфа за спиной, и откровенно поворачивали головы, чтобы лучше слышать, о чем ведут разговор князь воевода княжества бодричей и бургграф и воевода острова Руян. Дражко не увидел в этом ничего удивительного и страшного, просто людям интересно было знать, и они желали узнать. Но им все сообщать он не хотел. И потому просто взял воеводу под руку, и потянул к двери. И только за порогом сказал негромким шепотом:

– Ты же с детства Войномира воспитывал...

– С тех пор, как он перешел на мужскую половину дома⁶. С первого дня. Я в его руку еще деревянный меч вкладывал, и учил первым правильным ударам с любой, кстати, руки. Войномир тогда все старался левой рукой делать, как многие дети. Я сначала стал переучивать его на владение правой рукой, а потом решил, что хорошо получится, если он одинаково будет владеть двумя. А от щита он уже потом сам отказался, и стал двумя мечами сразу вооружаться.

– Значит, на тебя можно положиться. Позаботься о князе, воевода. Мне сообщили, что какие-то люди добыли страшный змеиный яд, желая отравить Войномира. Несколько капель хватит, чтобы самый сильный и крепкий здоровьем мужчина умер за одну ночь. Но мне же передали противоядие, которое князь Войномир должен принимать по каплям каждый день. Тогда никакой яд не будет в состоянии его сломить. Пойдем к Войномиру, я все ему обскажу, а ты тоже слушай. Князь может к этому отнестись легко и равнодушно. Но на тебя я возлагаю ответственность за его безопасность. Ты готов?

– Я отрублю сначала руку с ядом, а потом и голову любому, кто посягнет на его жизнь! – в твердой ярости, слегка подрагивая от нее, сказал Славер, и сжал кисть так, что на дощатый пол посыпались кольчужные кольца рукавицы.

И Дражко ни на мгновение не усомнился, что Славер так и поступит...

* * *

Князь-воевода Дражко и князь Войномир сидели в рабочей комнате Войномира. Как и опасался Дражко, Войномир достаточно легковесно отнесся к предупреждению. Хотя бы внешне не хотел показать, что принимает угрозу всерьез. И князю-воеводе никак не удавалось заставить Войномира быть по этому поводу серьезным. Как раз в это время, невзирая на ночное время, в сопровождении бургграфа Славера пришел волхв Ставр. Послушав пару минут разговор двух князей, волхв выступил вперед, и, чувствуя, что Дражко требуется авторитетная поддержка, сказал тоном, который не терпит возражений:

– Поговаривают, что яд для князя с жалтонеса потребовала сама дочь верховного жреца храма Свентовита в Арконе Ведана. Уже это говорит о многом. А то, что она погибла при этом – тоже что-то значит, только пока еще никто не может сказать, что этот факт значит. А может он означать непричастность к покушениям волхва Вандала. Хотя внешне все сводится к тому, чтобы указать на него. Но, насколько я знаю Вандала, он не смог бы Веданой пожертвовать ради своих далеко идущих целей. Не приказал бы убивать ее, и послал бы за ложкой вагров не Ведану, а любую другую из своих лодок. И доверенных людей у него много. Некоторых, наверное, и убить было бы не жалко. Если кто-то и хотел таким образом «подставить» Вандала, то, на мой взгляд, доказал обратное. Хотя может быть все, и утверждать категорично я не буду ничего. Меня там не было, и моих разведчиков не было. Иначе мы поймали бы убийцу. Но там были стрельцы Веданы. Стояли неподалеку, на причале. И я не верю, чтобы стрельцы не сумели определить, откуда прилетела стрела. Да еще так точно ударила в голову Ведане, и не задела Рунальда. Это должен быть очень хороший стрелец, что так посылает стрелу. Или расстояние должно быть небольшим. Почему, по какой причине стрельцы не смогли определить, откуда стреляли?

– По какой причине? – переспросил князь Войномир.

– Почему? – в тон ему задал вопрос князь-воевода Дражко.

⁶ Мальчики в славянских семьях в пять лет переводились с женской половины дома на мужскую, тогда и начиналось их воинское воспитание, тогда в их руку вкладывался первый детский, сначала деревянный, меч. В богатых и знатных домах воспитанием занимались отдельные воспитатели. В домах попроще – отец и старшие братья, если они были, дядья и родственники, склонные к военному делу. Так начинался путь от ребенка к мужчине. Воспитание обычно было достаточно суровым. Даже в Древней Спарте, которая славилась мужественными людьми, процесс инициализации мужчины начинался только с семи лет.

– Я думаю, только по одной – им приказали. Кто кроме самой Веданы может дать такой категоричный приказ?

– Кто?

– Кто? – спросил и воевода Славер, стоящий тут же.

– Только Вандал. Любого другого стрельцы за такой приказ убили бы.

– Это значит, что яд понадобился самому Вандалу? – спросил Дражко.

– Сам Вандал захотел меня отравить! – не спросил, а утвердительно сказал князь Войномир. – Ему есть, что терять. А смертью Веданы он хотел только прикрыться?

– Вот здесь-то и находится тот тонкий момент, который меня смущает, – сказал Ставр, сердито пошевеливая тяжелым посохом, более длинным, чем он сам.

– Не тяни. Говори яснее, – потребовал князь-воевода.

– Слишком уж многое показывает на Вандала. Чересчур много. И потому я в сомнениях.

– И на какой почве твои сомнения топчутся? – поинтересовался князь-воевода.

– После того, как стрела пробила голову Веданы, на поиски стрелка отправили экипажи пяти лодок, которые прочесывали полуостров и все побережье. Но никаких следов найти не смогли. Видели только, как быстрая лодья под прямым парусом вышла из бухты, но кто-то сказал, что она вышла раньше, до выстрела. Никто этого утверждения ни подтвердить, ни опровергнуть не смог. И совершенно пропал из вида человек, которому Ведана, по словам жалтонеса, передала склянку с ядом. Если он пропал оттуда, он мог только на этой лодье уплыть. Значит, лодья уплыла после выстрела. Выйти из порта этот человек никак не мог. Выход там только один – в город, и у ворот, как полагается, стоит привратная стража. И человека этого никто не запомнил, хотя смутно вспоминали после рассказа жалтонеса, что видели такого рядом с Веданой. Разговаривали они в стороне от всех. Естественно, серьезно допросили и жалтонеса Рунальда.

– Мне он про допрос ничего не рассказывал, – перебил разведчика Дражко.

– Он – человек скромный. И посчитал это малозначительным фактом. Рунальд вообще человек со странностями. Я его знаю больше двадцати лет, и он всегда такой. Тем не менее, допрос был. Но допросили жалтонеса не сразу, а только по завершению поисков стрельца, убившего Ведану. Не нашли, и тогда, вспомнив про свидетеля, к жалтонесу подступили. Рассказ Рунальда всех сильно смутил. У Веданы никогда не было мужа, и ей некого было отравливать. И вообще использовать яд – это совсем не в ее характере. Она, как говорил сам воспитатель Веданы, в таком совершенстве владела мечом, и, всегда вспыльчивая, без сомнения выхватывала его, и ни в каких ядах не нуждалась. Рунальда называли лжецом, и хотели просто так, за одно только вранье повесить, но Вандал услышал вдруг, что Ведана обещала утром отпустить лодью с жалтонесом и воеводой Веславом, о котором верховный волхв многожды слышал, и заочно уважал. Может быть, они даже встречались раньше. Князь Бравлин второй, насколько мне известно, дважды навещал Вандала в его храме. И не исключаю, что с Бравлином на остров приплывал и воевода Веслав. А тут еще слово Веданы... Это для Вандала было, как последняя воля погибшей. И он запретил Рунальда трогать. И приказал утром, как и сказала Ведана, отпустить на ветер...

– Но почему только утром? – переспросил князь Войномир. – Чтобы успеть доставить яд в Кореницу? Чтобы никто не помешал? Мне такое решение кажется, по меньшей мере, странным...

– Да, – согласился Ставр. – Оно может таким выглядеть. Но я представляю себе растерянность Вандала, потерявшего самого значимого для него человека в мире, единственного значимого для него человека. Ему сказали, что Ведана обещала отпустить лодью утром, и он повторил это слово в слово, не задумываясь. Такое тоже могло быть в момент растерянности. Вандал уже не молод, и подобный удар ему перенести тяжело. Потому он и повторил услышанные слова, не вдумываясь в смысл.

– Так все-таки, Ставр, – князь-воевода спрашивал командира княжеских разведчиков так, словно тот обязан был знать все. – Это дело Вандала или нет?

– Я пока ничего сказать не могу. Не могу ни обвинить старика, ни оправдать.

Дражко пожал плечами. Даже с некоторым раздражением пожал. И в тоне его голоса слышалось раздражение и недовольство:

– У меня начинает складываться мнение, что ты подружился со старым волхвом... И пытаешься его защищать, – сказал Дражко.

Ставр промолчал.

– Я прав? – князь-воевода повысил голос.

– Я защищаю только интересы княжества бодричей, и больше ничьи, – спокойно ответил командир разведчиков. А возводить на человека напраслину, даже если он тебе, княже, и не нравится, я привычки не имею. Короче говоря, я пока не вижу никаких доказательств вины волхва Вандала. И не могу сказать, кто покушался на жизнь князя Войномира ни по дороге на остров, ни здесь, на острове. Подозрения никогда не могут быть доказательствами. И обвинения я смогу выдвинуть только тогда, когда сам смогу убедиться в чьей-то вине.

Дражко знал характер командира княжеских разведчиков. Волхв Ставр был неуступчивым, и всегда свое мнение отстаивал. И потому князь-воевода спор не продолжил.

– Я могу предложить тебе еще один вариант для поиска. Из Ральсвика я послал с предупреждением князю Войномиру одиннадцать стрельцов. Один гонец, которого княже знал лично, и должен был поверить, что тот прискакал от меня, и десяток стрельцов в его сопровождение. Они попали в засаду. Прорвались, подстрелив шесть воев противника. Потом шестеро оставшихся стреляли из темноты в меня и мое сопровождение. Был убит стрелец. Мое сопровождение убило четверых. Двое сбежали. Могли приехать после нас, могли обогнать нас, если хорошо знают здешние дороги. Перед нами в Кореницу приехало двое воев. Сказали страже, что к боярину Пламену гонцы из Арконы. Время уже к утру близится. Не стесняйся, Ставр, разбуди Пламена, спроси, что за весть принесли ему гонцы, и верно ли они к нему прибыли. А ты, Славер, отправляйся к полуденным воротам, как я тебя и просил, найди одноглазого сотника Магнуса Бычья Кость, и спроси, кто после нас приезжал. Он знает, что ты приехать должен, следит за прибывшими.

Воевода с волхвом приложили руки каждый к своей груди, развернулись, и вышли. Дражко выглянул в коридор, и позвал часового.

– Прикажи принести нам с князем Войномиром меда. Две баклажки побольше.

Пока мед не принесли, князь-воевода прошел в свою комнату, чтобы переодеться и хотя бы смыть дорожную пыль с рук и с лица. А когда вернулся в рабочую княжескую горницу, увидел, что Войномир опять над бумагами склонился, что что-то выписывает на другой лист бумаги. А потом делает писалом прорезы на восковой дощечке, словно кратко отмечает что-то самое важное.

Тут и мед принесли. Дворовый человек не знал, куда поставить деревянный резной поднос, потому что стол был завален свитками бересты и бумажными листами. Войномир молча показал на скамью рядом со столом. Дворовый человек поставил, поклонился, и молча вышел. Сам князь Войномир к меду даже притронуться губами не пожелал.

– Что не пьешь? – спросил князь-воевода, поднимая объемный жбан, как кружку.

– Не в том дело. У меня голова так устроена, когда нужно ей работать, я от хмельного отказываюсь. Иначе соображаю хуже. Что-то забываю. К тому же, княже, ты сам не велел мне ничего, кроме воды пить. Если хочешь, и не боишься, можешь за меня выпить. Жбаны не помечены, который тебе, который мне. Не угадаешь, в каком может быть отраве.

Дражко никогда трусом не был, от хмельного меда не отказался, и, когда он поставил пустую баклажку на скамью, усы его довольно зашевелились.

– Слышал я, что мед способен любую отраву убить. Не зря вои им раны покрывают⁷.

– Я тебе не мешаю? – спросил Войномир, давая тонкий намек.

– Устал я что-то... – признался князь-воевода, намек принимая и понимая. – Если решишь, княже, я пойду к себе в комнату, отдохну, не раздеваясь. Только меч отстегну. А как кто-то с вестями прибудет, Ставр или Славер, или еще кто-то, сразу пошли за мной.

– Обещаю...

У Войномира у самого слипались глаза, но он упорно вникал в документы, принесенные боярами, и находил в них все новые и новые несоответствия. Данные одних документов не сходились с другими. Например, портовые регистрировали прибытие одного количества кораблей, а таможенные документы показывали, что таможенный сбор был взят только с каждого, по сути дела, десятого. Да и портовые платежи, судя по документам, взимались за пользование причалом через одного, только со второго корабля, а то и с третьего. Все сводилось к тому, что бояре, отвечая каждый за свой собственный участок, не сводили документы в единую систему, и не понимали, что любая попытка такого приведения сразу покажет их отношение к своей работе. Правда, еще предстояло точно узнать, кто воровал деньги из казны – сам боярин или дьяк, посаженный боярином на ответственное место. Каждый дьяк служил непосредственно боярину, ответственному за ту или иную сферу жизни острова, и боярином же ставился. Крушить всех направо и налево князь Войномир тоже не собирался. Тем не менее, в голове у него возникала некая путаница, разобраться в которой он сам не мог. Требовалась помощь более опытного в делах князя-воеводы Дражко. Но беспокоить уставшего князя Войномир не хотел. Однако тут вернулись одновременно и бургграф воевода Славер, и командир княжеских разведчиков волхв Ставр. Поднимать Дражко требовалось в любом случае. Что и сделал по просьбе своего князя воевода Славер, негромко постучав в дверь.

– Иду, – сразу отозвался князь-воевода.

И вышел почти сразу. Ему потребовалось время, единственно, чтобы прицепить к поясу меч, без которого Дражко, как сам говорил, чувствовал себя почти легковесным танцором с ярмарки.

Славер уже входил в рабочую горницу князя Войномира, и Дражко тремя быстрыми шагами догнал его, чтобы не открывать дверь снова. Короткого времени князь-воеводе хватило, чтобы отдохнуть, и выглядеть свежим, хотя он даже умыться не успел. Но задранные кверху кончики широких усов говорили о том, что Дражко в прекрасном настроении.

– Значит, пока я спал, новостей не было? – удовлетворенно спросил князь-воевода.

– Только прибыли, княже, – объяснил Ставр. – С воеводой у крыльца встретились. С разных сторон приехали.

– Докладывайте... – потребовал князь Войномир, отрывая уставшие глаза от своих бумаг, кажется, с радостью, потому что уже устал от такого занятия.

– Что там за два воя к боярину Пламену прибыли? – спросил Дражко Ставра. – Можно было проверить, откуда они прибыли?

– Я самого боярина разбудить, как ты просил, не постеснялся, – объяснил волхв. – Мы с ним коротко знакомы⁸ с давних пор. Еще с похода против данов семнадцатилетней давности. Боярин тогда просто воеводой был. Боярское звание ему после этого похода Годослав, который только-только стол отца занял, и пожаловал. За отличие в быстрых рейдах. Надо сказать, он заслужил. Со своим полком за четыре дня в семи битвах участвовал. И везде его полк отличился. Тогда же, кажется, в его полку мать Веданы сотником была. Совсем молодым сотником.

⁷ Славяне издавна, отправляясь в поход, брали с собой небольшую глиняную посудинку с медом и несколько листов бересты, пропитанной льняным маслом. Медом полностью покрывали рану, а сверху бересту накладывали. Береста, если она была не промаслена, сильно иссушала кожу вокруг раны, вплоть до потрескивания, и мешала заживлению. А мед являлся сильным антибактериальным, как сейчас говорят, и консервирующим средством. И очень способствовал заживлению.

⁸ «Коротко знакомы» (устаревшее) – дружны.

– Вот так и начинаешь узнавать людей – нечаянно, – то ли проворчал, то ли просто с усмешкой констатировал князь-воевода. – Столько, казалось бы, знаю Ставра, а никогда не слышал, чтобы у него руянские бояре в друзьях значились. Так, чего доброго, скоро нечаянно выяснится, что Ставр запросто ходит к королю Готфриду. Просто по старинной дружбе заглядывает данского пива выпить. Впрочем, молчу, памятуя, что наш волхв только воду пьет...

Волхв промолчал. Но Войномир поторопил его:

– Продолжай, Ставр. Мне еще нужно подготовиться к разговору на заседании боярского совета. А времени остается мало. Рассказывай...

– Разбудил я, значит, боярина Пламена. Он недовольный ко мне вышел. Я и посочувствовал, что поспать ему сегодня ночью не дают. То я, то гонцы из Арконы... Он сильно удивился, и сказал, что не было гонцов. Своего гонца он к Вандалу послал, но тот должен вернуться только к обеду. А из Арконы гонца не было. Вечером только с боярским обозом несколько бочонков гасконского⁹ белого вина привезли. Но вино не для боярина. Его заказывал у Пламена верховный волхв Яровита Духослав. Сказал, что для службы ему нужно. Правда, просил красное вино, а ему привезли белое. Но это не большая беда. А больше из Арконы никого не было. Я и объявил тогда, что два воя проезжали через ворота, и сказали, что гонцами из Арконы к боярину Пламену посланы. Боярин своих стражников позвал. Спросил. Никаких гонцов, говорят, не было.

– Куда же они делись? – спросил Дражко. – Мне сотник привратной стражи точно сказал, что два воя в полном снаряжении к боярину Пламену отправились. Он им даже пароль ночной сообщил. Может, где по дороге сгнули?

– Сгнули... – согласился волхв Ставр. – Вернее, не к дому боярина поехали, а в другой дом. Я так изначально и предполагал. От дома боярина до полуденных ворот княжеский Дворец стоит прямо посередине. Я, когда возвращался, у каждаго рогаток с ночной городской стражей разговаривал. И все подтвердилось. Не проезжал никто ночью к дому боярина Пламена. А вот, как встретился у княжеского крыльца с воеводой, попросил его послать человека до ворот, чтобы со стражниками поговорил. До куда эти двое доехали...

– Я Волынца послал, сотника с тремя воями, – подтвердил бургграф Славер. – От своего имени велел все расспросить. Городская стража теперь в мое подчинение передана. Мне они ответ дадут. А спросить Волынец сумеет.

– Он сумеет, у него язык правильно подвешен, – согласился князь Войномир. – И сообщает хорошо. У меня тут насчет Волынца планы созреть стали. Сильно возражать будешь, воевода, если я его из полка заберу? Хочу его способностями к грамоте воспользоваться. Он же у нас не только читать-писать, но и считать хорошо обучен...

– Твоя воля, княже, поклонился бургграф Славер. – Тебе виднее, кто чем заниматься должен. А грамотный человек должен занимать место грамотного человека. Неграмотных сотников у нас много. Найдем, кем заменить.

– Вот и хорошо. А у тебя, Славер, какие новости?

– Нашел я сотника Магнуса у ворот. Расспросил. Он ждал человека от князя-воеводы. сказал. Никто больше не приезжал. Только боярские носилки пронесли с шестью воями охраны. Боярин Лютогнев этот – рядом с воротами дом имеет. Туда и вошли. Им даже пароль для стражи не сообщали, поскольку до рогатом им даже дойти не пришлось. Лютогнев прибыл на заседание боярского совета. Сотник Магнус сказал, что сам Лютогнев величина небольшая, стар уже, а важничает, как воевода. Но полк свой имеет малый, даже без стрельцов – в полусотню конников и три десятка пехотинцев. Даже не конных. Вот и все, что я узнать сумел. Осталось только сотника Волынца дожидаться.

⁹ Гасконь – пиренейская провинция королевства франков.

– Ладно. Как Волынец прибудет, пошли его ко мне. А сейчас идите, отдыхайте. Тебе, Славвер, утром на совете надо быть свежим и грозным. Приготовься, – распорядился Войномир. – Идите. Нам с князем-воеводой еще кое-что обсудить требуется...

– И распорядись, Славвер, чтобы меду нам принесли, – подсказал Дражко. – Меня без меда в сон клонит... Это хуже, чем клонит от меда. Непривычно как-то...

* * *

Когда дверь за вышедшими закрылась, князь Войномир потер лицо руками, пробуждая себя после ночной работы, и прислушался, дожидаясь, когда в коридоре стихнут шаги воеводы и бургграфа Славвера. Волхв Ставр всегда ходил бесшумно, и его шагов слышно не было ни при удалении от рабочей горницы князи, ни при приближении к двери. Это Войномир уже знал, хотя со Ставром был знаком только недавно, да и то лишь поверхностно.

– Тебя что-то беспокоит, княже? – спросил Дражко, покручивая ус в ожидании хмельного меда. Его привычки все знали, и простой сладкий мед по его требованию никогда не приносили.

– Не могу понять ситуацию, княже, и некому объяснить ее, кроме тебя. Потому тебя и хочу попытать своими вопросами.

– Спрашивай. Ситуация здесь такая, что без хмельного меда не разберешь. Но я все же попытаюсь тебе ответить, если смогу.

– Мы с тобой вчера со многими из бояр поговорили. Спрашивали их, что сделать требуется, чтобы на острове жизнь иной стала, чтобы остров всему остальному княжеству надежной опорой явился. И ведь, насколько я умею понимать людей, все честно и правильно говорили. Говорили то, что мы еще в Рароге с князем Годославом обсуждали. Что остров станет иначе жить, когда купцы к нам поплывут, а не от нас прятаться будут, когда местные лоды и драккары станут княжеским флотом, а не разбойничьим. И все одинаково на волхва Вандала жаловались, как на главного разбойника Руяна. Послушаешь бояр, впечатление такое складывается, что, не стань Вандала, вся жизнь на Руяне иначе бы потекла...

– Да, все так говорили, кроме боярина Пламена, – согласился Дражко. – Оно и понятно, поскольку Пламен у верховного волхва храма Свентовита то ли служит, то ли просто с Вандалом дружит. Хотя вообще-то бояре должны служить только своему князю. Дал князь Пламену боярское звание, вот и должен князю служить, а не волхву, а не то звание и отобрать не долго. Да еще и вместе с головой.

– Я не знаю, чем боярин Пламен в боярском совете занимается, от него никаких документов представлено мне не было...

– Кажется, он просто считается одним из товарищей боярина Береста, и замещает его в каких-то вопросах. Но это точно ты только завтра узнаешь, когда тебе всех бояр поименно представлять будут. Но что тебя смущает?

– Да вот, просидел ночь я над бумагами, и вижу, что говорят бояре одно, а делают другое. То ли они сами, то ли дьяки по их приказу, то ли вообще одни дьяки без приказа. Я, конечно, допускаю, что бояре в лени своей просто не проверяют то, что им дьяки пишут. Похоже на то, что они в бумаги, которые мне передали, даже не заглядывали. Но, если все это воруют дьяки, то они уже давно стали несравненно богаче своих бояр.

– Говори конкретнее. Что в этих бумагах не так? Карать за воровство следует жестко и строго. Без жалости... Иначе продолжать будут втихомолку.

– Вот вчера разговаривали мы с боярином Мниславом. Он у нас за таможду в боярском совете отвечает. Помнишь, как жаловался боярин? Не заходят к нам почти суда купеческие. Не с кого, значит, и пошлину брать. Посмотрел я бумаги, которые Мнислав принес. Все так и есть,

мелочь какая-то княжеской казне полагается. Немного моей казне, намного казне Годослава. А потом посмотрел бумаги того худенького боярина, остроносого...

– Милятина...

– Да, боярина Милятина. Он отвечает за работу порта. И у него каждая чужая лодка, что в порт заходит, отмечена. А потом с бумагами таможни сверил. И получается, что пошлину брали где с каждой второй лодки, где с каждой третьей, а где и с десятой. А остальные что же? Бесплатно к нам приплывают? Да и у самого Милятина в бумагах путаница. За пользование причалом с лодки тоже обязан деньги брать. И тоже не со всех отмечено, хотя бралось, думаю, со всех. Правда, там и траты есть. И большие. На строительство новых причалов, на ремонт старых... И оплачено, представляешь, княже, больше, чем с судов получено. Это как? Не из собственного же боярского кармана?

– А просто. Пишется одна сумма, а отдается совсем другая, – спокойно объяснил князь-воевода. – Вот для того тебя твой дядюшка и послал сюда, чтобы ты разобрался. Сразу вешать и боярина и дьяка я лично не советую. Воруют, конечно, и тот и другой, но кто больше ворует – никто не скажет. И не разберешь, кого из них вешать следует. На мой вкус, надо послать на заседание боярского совета сотню стрельцов, чтобы вошли в зал, и всех бояр там перестреляли. Только мой вкус никогда не был идеальным. Потому княже Годослав и не меня сюда поставил, а тебя. Есть мысли какие-то, как исправить?

– Есть мысли... Хочу своего человека поставить, как в совете Славера, и в порту. Чтобы каждая приплывающая лодка на учете была. Сначала только в порту Ральсвика, куда большинство и приплывает, потом и в других портах. А когда мой человек будет считать, станет ясно, сколько таможня должна.

– Это дело, – согласился князь-воевода. – А что касается ремонта причалов, то сразу тебе подскажу, что там не все так просто. Каждый ремесленный квартал в Ральсвике имеет собственный причал, и сам его строил, и сам его в порядке содержит. В ведение боярина Милятина входит только несколько мелких общественных причалов, и тех, где стоят лодки местных викингов. Хотя лодки викингов чаще просто на рейде стоят или на берег вытаснены. За место на берегу они тоже что-то платят портовому дьяку. Мне так Ставр объяснял. Будут вопросы, обратись к нему. Он своих разведчиков поставит по местам, они все отследят, и все узнают. Их у него здесь около десятка, кажется. Идет кто-то... Мед, наверное, несут...

По коридору раздавались гулкие в ночи шаги.

– Может, сотник мой уже вернулся – Волынец...

– И сотнику пора, и мед уже два раза пора принести...

Глава третья

В дверь негромко, даже словно с каким-то стеснением постучали.

– Открыто. Входи... – отозвался на стук князь Войномир.

Дверь открылась. Сначала мягкой неслышной походкой вошел дворовый человек из дворцовой прислуги, и принес поднос с двумя жбанам меда. Тот самый человек, что уже приносил мед раньше. И потому он уже не спрашивал, куда поставить поднос, сразу устроив его на широкой скамье у стола. А следом за дворовым человеком в рабочую горницу, так же неслышно, вошел волхв Ставр, а за ним, уже тяжелой поступью воя, которую и было слышно в рабочей горнице, перешагнул порог и сотник Волынец.

Дворовый человек вышел до того, как дверь закрылась. Хорошо понимал свое место на общественной лестнице. Ставр высунулся в коридор, и проследил, как тот выйдет за наружные двери, где находился пост охраны, через который просто так никого не пропускали, тем более, в темное время суток. Порядок установил Славвер, он же и сказал, кого можно пускать, кого вообще нельзя, о чем приходе требуется предварительный доклад.

– Не люблю, когда под дверью подслушивают, – объяснил волхв свое поведение князьям. – А здесь, кажется, это принято. Не от предательства, а просто от любопытства. Узнать новости желают, потому что их самих спрашивают, что новый князь делает, как строить жизнь людей на острове думает? Кто во Дворце служит, всегда считаются самыми осведомленными. Они и стараются такими быть. Это не порок, хотя подслушивание и наказуемо. Я так и сказал вечером дворцовому управителю Вешняку, чтобы он своим людям передал. Кто попадется под дверью, того на правож... Надеюсь, подействовало. Со страхом посматривают...

– А вчера кто-то подслушивал?

– Сначала сам Вешняк, потом глашатного Славвер застал. Хотя сам говорит, что с глашатным могло и показаться. Выговаривать не стал. Только мне сказал, а я Вешняку выговорил. Не обессудь, княже, что распоряжаться начал в твоём Дворце.

Войномир молча кивнул, соглашаясь с необходимостью таких действий, и, словно бы, разрешение волхву этим дал на подобные строгости в дальнейшем.

– Рассказывай, – волхв несильно подтолкнул Волынца посохом в бок.

– Вот такое дело... – начал Волынец. – Последняя стража, что пропускала этих воев, на улице перед городской площадью. Оттуда четыре улицы идут. На каждой стоят рогатки, и стража. Ни на одном из постов этих воев не видели. Но между площадью и постами стражи четыре боярских дома. Вой могли войти к любым из четырех ворот. Одни из этих ворот – двора, где живет боярин Улич, человек из Арконы, член боярского совета от Арконы. От Арконы кроме двух бояр только сам верховный волхв Вандал в совет входит.

– Старый Улич... – усмехнулся князь-воевода Дражко. – Я думал, он давно уже умер. Он еще пару лет назад даже по своему дому ходить не мог. Его по пути в столовую дворовые люди под руки поддерживали. Ему уже больше века давно. Неужели он на боярский совет приехал? Помнится, мне говорили, что он уже ничего и не слышит...

– Да. Это он. Но я проверил, княже, – сообщил Волынец. – Улич прибыл последним. Незадолго до того, как меня воевода послал на поиск. Это и привратная стража подтвердила.

– Ты уже и до ворот добрался? – удивился Дражко.

– У моего коня, княже, быстрые ноги... – скромно ответил сотник. – А что ты, княже, так на меня смотришь? Не веришь?

– Отчего же... Верю. Просто смотрю, и кажется мне, что встречались мы с тобой где-то. Не в тот раз, когда ты нас с князем Войномиром на дороге встретил, а еще раньше. Лицо знакомое. Или похож на кого-то...

– Скорее, похож, – подтвердил Вонынец. – Я в ваших краях человек новый. А если бы мы встречались, я бы тебя, княже, признал обязательно.

– Ну-ну, ладно. Пусть так будет. А как ты узнал о приезде Улича?

– Увидел... Свет на всех трех этажах горит. Везде свечи не жалеют. Бояре это любят. Не смотрят, что дорого. Считают, что, чем больше света, тем человек больше значит. Друг перед другом так вот «светятся». И дым из каминных труб. Только-только, видно, затопили. Для утренней топки еще рано. Да и к чему все камины в доме сразу топить! Если только дом промерзлый, давно не топленный. Я привязал коня, чтобы копытами не стучал, подошел потихоньку к воротам. За воротами голоса. Издалека их слышно, только вот издалека не разберешь, что говорят. Пришлось подойти. Дворовые люди разговаривают, не стесняясь. Обсуждают, ляжет боярин спать или не ляжет. Если ляжет, его утром будет не поднять. А не поднимешь на боярский совет или на службу в храме, будет слуг на правож отправлять. Не поверит, что добыться не смогли, скажет, сами проспали. Если не ляжет, тогда трудно его будет после боярского совета разбудить. Придется сонного в носилки переносить, и так домой отправлять. Я так понял, что было уже подобное. А по разговору и понял, что только приехали. Поскакал к воротам, там подтвердили. Но я допускаю, что те двое воев, что раньше приехали, как раз в дом боярина Улича явились. Он мог с дороги пару человек наперед себя послать. Хотя тут тоже сомнение есть.

– Какое? – спросил князь Войномир. – В чем сомнение?

– Если бы они раньше боярина явились, они уже успели бы дом протопить, чтобы боярин в тепло сразу приехал. Обычно так и делается. Потому и допускаю, что они не к Уличу приехали, а в другой дом. Из трех других боярских домов только в доме боярина Тишислава кто-то есть. В двух других никто пока не живет. Не приехали еще хозяева, хотя дворовые люди ходят, дом уже протапливают. Хозяев к утру ждут. Но те не спешат. Они в боярский совет не входят.

– С чего взял, что не приехали? – спросил Дражко. – Может, спят спокойно... Ночь на дворе.

– Все одинаково, княже. Как в первый раз. Через ворота слушал.

– И что у нас получается? – спросил Войномир. – Они могли только к Тишиславу приехать? Я вообще такого боярина не знаю, и, кажется, даже не слышал о нем. Чем у нас в совете Тишислав занимается?

– Вместе с Мниславом заведует таможенными сборами. Мнислав главный, Тишислав помогает, но и сам хочет главным стать. Доносы на Мнислава Годославу пишет. Себя при этом не называет, никак доносы не подписывает, но Годослав приказал Ставру, помнится, – князь посмотрел на волхва-разведчика, – допытаться, кто пишет. И Ставр узнал...

– Узнал, – коротко подтвердил командир разведчиков. – Если писал не сам, то других людей заставлял. И подписываться заставлял других. Чтобы, якобы, многие на Мнислава жаловались. Хитрый лис этот Тишислав. Хитрый и трусливый. Такие могут только исподтишка в спину ударить, и подлости от него ждать можно. Хотя, при его трусости, эта подлость не может быть решающей и кардинальной. Он очень боится ответственности.

– Могли к нему приехать люди, которые в стрельца Квашню, а потом князя-воеводу стреляли? – не пожелал отвлекаться на другие вопросы князь Войномир. – Тишислав заинтересован в отсутствии управления?

– Заинтересован, – согласился Дражко. – Сильно заинтересован. Не меньше того же Мнислава, под которого он подкапывает. Значит, могли и к нему неудавшиеся убийцы пожаловать. Больше в этом месте не к кому...

– Есть к кому, – сказал сотник Вонынец так конкретно, словно знал что-то категоричное. Все повернули к нему головы.

– Там, прямо на площади, стоит самое большое среди других здание – храм Яровита. Я говорил с женщиной, что безвестных умерших к костру готовит. Она как раз в храме была, и

не видела никого, но, когда вышла, слышала, как кто-то верхом торопливо подскакал, и сразу в ворота. Когда женщина вышла, ворота были уже закрыты. А ворота тяжелые, чтобы их быстро закрыть, нужно очень торопиться. Она не видела, сколько было всадников, но уверена, что несколько человек. Может, два, может, даже больше. Женское ухо неопытное. Не различает по звуку, сколько копыт стучат – обычное дело, и винить ее здесь не в чем. Но я, поговорив с ней, дальше искать стал. Пытался с младшими волхвами у ворот пообщаться, так там на меня чуть драться не бросились. Я уж руку на кряж¹⁰ положил, тогда только отстали. А то ведь и побить могли. Простого человека, с улицы, не воя, вполне могли бы побить за лишний интерес... Почему они никого туда не подпускают? Почему прячут что-то? И даже говорить на эту тему не хотят...

– Почему? – вопросительно поднял брови Дражко.

– Потому что им есть, что скрывать...

– Возможно... У тебя все, сотник? – спросил князь Войномир.

– Все, княже...

– Тогда можешь идти. Прими мою благодарность за службу. Ты хорошо справился. Отдыхай, и будь готов по первому моему зову явиться. У меня скоро будет для тебя дело. И будь готов после службы в храме вместе со Славвером сопровождать меня на заседание боярского совета. Ты там будешь нужен.

Волынец приложил руку к груди, поклонился, и вышел...

– Мы тебе нужны, княже? – спросил Дражко.

– Есть какие-то соображения по поводу тех двух воев?

Князь-воевода допил мед из отставленной было второй баклажки.

– Я так думаю, что они одинаково могли заявиться и в дом боярина Тишислава, и в храм к волхву Духославу.

– Волхв Духослав показался мне наиболее лояльно к нам настроенным человеком из всех, с кем мы здесь встречались. Кроме слуг, естественно. По крайней мере, все советы, которые он нам давал, были дельными. И еще мне показалось, что он очень боится волхва Вандала. Боится враждовать с ним. По отдельным репликам я бы подумал, что он и мне советует быть с Вандалом осторожнее. А что о Духославе скажет Ставр?

Командир разведчиков только посохом пошевелил вместо ответа. Такая форма разговора была, видимо, хорошо знакома Дражко. И потому князь-воевода сказал, как перевел с чужого языка понятными для Войномира Словами:

– Он ничего про волхва сказать не может, но, если ты его попросишь, он узнает.

– Я попрошу его... – словно Ставр здесь не присутствовал, сказал Войномир. – А у самого Ставра нет для нас сообщений?

– Есть, – твердо сказал волхв.

– Говори, – потребовал Дражко.

– Ко мне несколько минут назад прискакал гонец из Обенро¹¹. Туда по приказу Готфрида приплыло еще двадцать свейских и пятнадцать норвежских драккаров. Команды сразу высадились, и ушли одной колонной в закатную сторону. Я напомним, что в порту уже стояло одиннадцать норвежских и семнадцать свейских лодок. Тоже без команды, которая ушла к Готфриду в сторону Хедебю. Сейчас на каждой лодке осталось по пять человек охраны, и больше никого. Сейчас там шесть с лишним десятков лодок – целый флот. Мои разведчики опасаются, что, по возвращению команды, этот флот отправится в сторону Руяна. Сейчас лодки стоят плотно одна к другой, и будут хорошо гореть, если найдется смельчак...

¹⁰ Кряж – рукоятка меча.

¹¹ Обенро – портовый город на восточном побережье южной Дании. Важный порт. В письменных источниках начинает упоминаться с XII века, как уже развитый и укрепленный портовый город. Но основан был, несомненно, на несколько веков раньше, поскольку ко времени упоминания в письменных источниках имел уже развитую инфраструктуру, порт и сеть дорог.

– Я понял, Ставр. Это хорошее сообщение. Поблагодари от меня своего разведчика. Мы с князем Войномиром подумаем, что предпринять.

Это прозвучало так, будто князь-воевода отправляет волхва из рабочей горницы. Но Ставр уходит не спешил, и только перебросил свой блинный и тяжелый посох из руки в руку. Дражко все понял по его взгляду.

– Есть еще новости?

– Есть, – Ставр говорил ровным голосом, и его лицо при этом совершенно ничего не выражало, словно он не умел ни осуждать, ни хвалить.

– Говори.

Волхв мрачно посмотрел на князя-воеводу Дражко, потом перевел взгляд на князя Войномира, словно проверяя из на возможность принять неприятное сообщение. Убедился, что и один, и другой в состоянии собой управлять, и только после этого сказал:

– В Венедине¹² уже собралось три тысячи ратников-лютичей. Стоят лагерем под городом. Живут не в палатках, а в срубках, где домовая торговля идет¹³. Палатками не хотят себя выдавать. От людей прячутся, стараются без надобности не выходить. Ждут прибытия двух пятисотенных стрелецких полков с франкской границы. Стрельцы, предположительно, придут через Поладеницу. После этого лютичи планируют сразу начать поход на Штржелово. В Штржелово у нас войска почти нет. Только городская стража. Не более пяти сотен. И три десятка стрельцов. Городских стен там тоже нет. Город, вероятно, будет взят с ходу. Если, конечно, лютичи подойдут к нему. А Руян тогда будет отрезан от княжества. Но в Штржелово лютичи надеются захватить и даже планируют это сделать, большое количество лодок и паромы, и с ходу переправиться на остров.

– Ты верную фразу сказал, Ставр, – сердито пошевелил Дражко усами, – «Если, конечно, лютичи подойдут к нему». Стрельцов у них пока нет. Значит, у нас в запасе целая Поладеница. Слышишь, княже...

Князь-воевода повернулся к Войномиру.

– Но, то ли от жадности неумемной, то ли от недоумия, наши противники сами дают князю Войномиру возможность установить на Руяне порядок.

– Это как? – не понял сам Войномир.

– С моря готов выступить на нас Готфрид со своим флотом. Оставим пока в стороне вопрос о том, сумеет Готфрид или не сумеет победить Годослава и графа Оливье. А с суши готовятся к выступлению лютичи. В условиях угрозы существованию княжества, князь имеет право объявить осадное положение, и принять на себя всю полноту власти. Объявить княжескую власть единственной! Любой ослушник в это время должен рассматриваться, как предатель интересов княжества, и отправлен на виселицу. И все, кто имеет в своем распоряжении дружины, обязан предоставить их в распоряжение князя. На моей памяти такое однажды случилось в княжестве бодричей, когда отец Годослава воевал одновременно с ваграми, с лютичами, с саксами и с данами. И вынужден был объявить осадное положение. Иначе с бояр было невозможно вытребовать их дружины. Нескольких бояр тогда пришлось повесить, несколько

¹² Венедин – город-крепость княжества лютичей, ближайший город лютичей к острову Руян. Ныне называется Вендорфом.

¹³ Домовая торговля – славянские города часто строились только из дерева, и потому вероятность пожаров в них была чрезвычайно высока. Но уже в древности в славянских городах были созданы пожарные команды. Причем, пожарные команды редко пользовались при тушении пожаров водой. Обычно пожарники были вооружены инструментом, который позволял им очень быстро разбирать деревянные строения рядом с горящим, чтобы не дать возможности пожару распространиться. На примере деревянной Москвы об это рассказывал немецкий путешественник Адам Олеарий: «Водою здесь никогда не тушат, а зато немедленно ломают ближайшия к пожару дома, чтобы огонь потерял свою силу и погас. Для этой надобности каждый солдат и стражник ночью должен иметь при себе топор». Но, если сгорал какой-то дом, хозяева всегда могли пойти на домовую торг, что обычно располагался рядом с городом (в деревянной Москве это был Лубяной торг на Трубе, как тогда называлась Трубная площадь), по другую сторону городских укреплений, выбрать то, что им нравится, а плотники сами разбирали строение, доставляли по адресу, и очень быстро снова собирали. Точно такие же торги существовали во многих деревянных городах, как у восточных славян, так и у западных.

сбежали к врагу, хотя дружины их навечно перешли в подчинение князя. Мера эта – осадное положение – жесткая, но иногда необходимая.

– Но этот закон касается всего княжества, – напомнил Ставр. – Имеет ли право удельный князь острова пользоваться этим законом?

– А разве Войномир не правитель острова? – удивился Дражко. – Я, со своей стороны, как соправитель Годослава, готов взять на себя согласие с таким решением. И уверен при этом, что сам князь Годослав меня поддержит. Мера эта считается чрезвычайной, и применяется не часто. Но применялась же... Значит, может примениться и теперь!

– Часто она применяется в отдельных приграничных городах, – напомнил волхв. – Трижды по указу князя Годослава применялась в Свентане, когда город был в осаде. Наверное, и здесь можно, но нужен, я думаю, указ князя бодричей. Как другая мера, возможно провести народное собрание. По закону решение собрания имеет больший вес, чем княжеский указ. Но даст ли собрание желаемый результат? Это еще вопрос. Влияние бояр слишком велико. Князя Войномира на острове еще плохо знают. И люди побоятся предоставить ему всю полноту власти. Решение Годослава будет самым верным шагом.

– Достаточно будет и решения самого князя острова и соправителя княжества бодричей! – взял Дражко на себя смелость. – Я решаю! Я – соправитель Годослава! А решение самого Годослава мы получим в дополнение. Согласен со мной, Войномир? Не побоишься взять на себя все полноту власти? Только имей ввиду, что в случае поражения виноват во всем будешь только ты, и тебя сместят уже решением того же народного собрания, которое можно организовать за несколько дней. Согласен?

– Я в своих силах уверен, и ответственности не боюсь, – Войномир даже встал из-за стола – Но кто и как доставит весть об этом моему дядюшке, и его подтверждение на Руян?

– Вероятно, только я, – принял решение князь-воевода. – И только я смогу объяснить ему необходимость такой редкой меры.

– Ты покинешь меня в такой трудный момент?

– Я вынужден это сделать, и уже много раз говорил тебе об этом. Я собирался уехать сразу после заседания боярского совета.

– Но раньше, когда ты это говорил, еще ничего не было известно ни о флоте Готфрида, к которому, думаю, готовы присоединить и данские лодки, ни об армии лютичей, которые, я слышал, в сече тоже стоят немало.

– Лютичи – такие же, как мы сами, люди. И даже характером с нами слегка похожи. С ними ты будешь драться, как дрался во главе варягов-русов со словенами. Сразу предупреждаю, что лютичи не создают отдельные стрелецкие дружины. Считают это неправильным. Объясни им, что они ошибаются. А меня ждет Годослав. При этом, по пути к Годославу, я хочу взять на себя уничтожение флота Готфрида.

Волхв Ставр в удивлении поднял брови, и даже свой тяжелый посох снова перебросил из левой руки в правую.

– Княже, ты мои мысли читаешь?

– Я твои слова услышал. «Лодки плотно стоят, и будут хорошо гореть, если найдется смельчак...» Смельчаков я найду, а наши лодки поведу сам. Конечно, место кормчего не займу, я не умею с кормилом справляться. Но все остальное я умею. И сразу оттуда, когда дело сделаю, и лишу данов флота, отправлюсь к Годославу. Он должен меня ждать. А мой брат Войномир тем временем плотно займется лютичами. Не мне его учить, как предупреждать нападение противника. Он эту науку хорошо освоил в Бьярмии. Не будем, Ставр, мешать Войномиру. Ему нужно подготовиться к боярскому совету. Пойдем...

Князь-воевода первым покинул рабочую горницу князя. Ставр устремился за ним своими широкими шагами. В каждом из этих шагов длинного волхва было больше двух шагов человека нормального роста.

Перед дверью в свою спальную светлицу Дражко обернулся, и сделал рукой приглашающий жест. Ставр молча, и никак не показывая удивления, вошел вслед за князем-воеводой.

– Я видел, что ты посматривал внимательно и на князя Войномира, и на сотника Волынца. Что скажешь?

– Братья, – коротко и категорично ответил волхв.

– Почему так решил?

– Лицом братья могут быть не похожи, хотя общие черты обычно им присущи, но ухо всегда показывает родство. Сама форма уха. Уши у них полностью одинаковы. И глаза тоже. Разрез глаз, взгляд. Такое только у братьев бывает. Хотя, может быть, братья только по одному из родителей. Скорее, по отцу.

– Почему, именно по отцу?

– Мальчики обычно бывают больше похожи на мать, девочки наследуют черты лица отца, – объяснил командир разведчиков. – Потому схожесть есть только в отдельных чертах, а не во всем лице. Иначе они были бы больше схожи.

– Годослав говорил, что Войномир очень на его сестру похож. На свою мать. Не наше, конечно, это дело, но ты, Ставр, присмотри за этим сотником. Чтобы неприятность нашего князя не постигла. Князь, видимо, знает, и опекает Волынца. А Волынец, если и знает, то молчит. К Войномиру в родственники не набивается. Ладно. Это дело даже не второе по важности, и не третье. А нам следует заниматься первым. Первое у нас – боярский совет...

– Это второе. Первое у нас – служба в храме Яровита.

– Ты будешь там?

– Конечно.

– Помнишь, что я тебе говорил о безопасности князя?

– Его будут везде окружать мои люди. И в виде нищих, и в виде простых горожан, и в виде стражников. Только вот на заседании боярского совета... Моих людей туда не пустят, даже если они боярами вырядятся.

– Там рядом с ним будем и я, и ты, и Славер, и Войномир...

* * *

Князь-воевода вернулся в рабочую горницу князя Войномира, когда пора уже было выходить, чтобы не опоздать на службу в храм Яровита. Хотя без князя служба все равно начаться не должна была. Но и появиться князь должен был последним. Не он должен ждать. Ждать должны его. Это закон всех владетельных особ.

– Я готов, – сообщил Войномир, взял со стола, и сунул в карман только один свиток бересты, куда он наносил писалом свои пометки.

– Ты так и пойдешь, в чем приехал? – спросил Дражко.

– Я пока не обзавелся большим гардеробом. Думал, просто багряный плащ на плечи накинуть. Это все принадлежности моего княжеского гардероба. Да что я рассказываю, при тебе же мне в Рароге дядюшка этот плащ подарил, а у меня самого даже в Бьярмии ничего особенного не было. Тоже багряный плащ – от отца достался, и все. Но я тот плащ с собой возможности взять не имел. Я же ехал, как пленник Гостомысла. А в Бьярмии у меня имелось только все, что для сечи необходимо. Правда, оружия выбор был большой. Я трофеи собирал. Люблю хорошее оружие. И всякое необычное. Всегда ищу, чем можно свои дружины дополнительно вооружить. В этот вот раз мне Воевода Славер привез хозарские щиты. Конечно, они дороже в изготовлении, чем наши простые, но удобны для отражения удара. Меч знатного воя и простого тоже в цене разнятся. И кого-то можно щитами на манер хозарских вооружать. Здесь подумать надо, стоит ли связываться.

– Покажи мне, вместе подумаем. А пока пойдем, я одну свою парадную кольчугу тебе уступлю. По размеру, мне сдается, она подойдет.

– Сейчас Славен с Волынцем придут. Славен те хозарские щиты принесет. Я попросил посмотреть. Может, сгодятся для наших...

– Пока переоблачишься...

Они перешли коридор, зашли в спальную светлицу Дражко. Князь-воевода открыл крышку большого сундука, оттуда вытащил тяжелый кожаный мешок, и протянул Войномиру.

– Примеряй. Мне она слегка длинновата, на твой рост, думаю, впору будет.

Князь вытащил кольчугу. Это, конечно, была кольчуга не боевая, а праздничная, которую было бы в бою жалко изувечить. Сами кольца с внешней стороны были позолочены, а изнутри для контраста чернены. На груди кольчуги были нашиты стальные поперечные пластины, образующие встроенный бехтерец. Такие же пластины, только более широкие, были нашиты со спины. И все пластины, что спереди, что на спине, были красиво изукрашены растительным орнаментом, но орнамент этот был не славянским.

– Откуда такая? – облачившись в доспех, и пошевеливая плечами, словно проверяя, насколько он в состоянии в этой кольчуге руками управлять, спросил Войномир.

– Доспех знатного аварского воина. Из аварского похода короля Карла Каролинга. Вот, тут еще... – Дражко вытащил из мешка золоченый и богато украшенный шлем с подшлемником из тонкого белого войлока, и наручи¹⁴, разукрашенные в стиле кольчужного бехтереца. Сами наручи были из многослойной толстой кожи, к которой крепились стальные черные пластины, с нанесенным на чернение золотым рисунком. На руку они надевались плотно, и туго зашнуровывались с внутренней стороны. Князь Войномир быстро облачился, и в таком вооружении выглядел празднично, вот только шлем для его крупной головы оказался маловатым, и потому князь отложил его в сторону, предпочитая держать голову непокрытой.

– Шапки подходящей, какой-нибудь, собольей у тебя не найдется? – спросил Дражко, убирая шлем в мешок.

– Я шапки с раннего детства не ношу. Привык: или в шлеме, или с непокрытой головой. Да и перед кем рядиться! Не на свадьбу идем. И без шапки можно¹⁵.

Войномир встряхнул копной длинных русых волос, вполне заменяющих ему шапку.

– Пойду плащ возьму...

Едва он вернулся уже в багряном княжеском плаще, и закрыл за собой дверь, как в коридоре послышались шаги. Пришлось дверь снова открыть, чтобы пришедшие не стучали в рабочую горницу, где никого уже не было.

В открытую дверь, повинувшись жесту князя-воеводы, вошли бургграф воевода Славен, сотник Волынец, не понимающий, зачем он нужен на заседании боярского совета, и командир разведчиков волхв Ставр. Славен с Волынцем принесли пару небольших щитов, внешне достаточно легких, хотя и обвешанных металлическим усилением. Но, возможно, щиты сами по себе легкими не были, и только в сильных руках воев казались такими. Но Славен, в дополнение к щиту, принес и посконный¹⁶ мешок, не показывая еще, что в этом мешке находится.

¹⁴ Наручи – часть доспеха воина, защищающая руку от локтя до кисти.

¹⁵ Согласно славянским обычаям, на свадьбе без шапки мог находиться только один человек – жених. Человек без шапки – хозяин дома. Без шапки он в постель с женой ложится. И снять на свадьбе шапку – значит, показать свои претензии на свадебное ложе молодоженов. А обычай снимать шапки при входе в дом появился позже, и пришел с запада, от рыцарства. Рыцарь, снимая шлем, показывал этим, что он не опасается хозяина. Позже, с принятием христианства, в каждом доме появились иконы, и человек обнажал голову не перед хозяином дома, а перед иконами. Слившись воедино, эти два обычая укрепились, и стали повсеместными даже во времена огульного атеизма. Обычай простолюдинов снимать шапки перед знатью имеет более ранние корни, и показывал покорность. Простолюдин словно бы показывал, что готов подставить под удар свою голову. Тот, кто шапку не снял, мог считаться человеком дерзким, не уважающим власть.

¹⁶ Посконная ткань, грубая ткань, вырабатываемая из стеблей конопли.

Первый щит взял в руки князь-воевода, сразу продел левую руку в ременные петли, сжал, стал рассматривать. Сами петли крепились не как обычно, жестко к основанию щита, что позволяло вою управлять щитом без проблем, а к деревянным дощечкам. Эти дощечки, в свою очередь, крепились к шарниру, который позволял щиту быть подвижным на руке, и смещаться на целый вершок в одну, и в другую сторону.

– При ударе копьем или мечом, – объяснил сотник Волынец, щит смещается, и оружие соскальзывает в сторону. Правда, это хозарам не очень помогло, когда мы их атаковали, Но им тогда уже ничто помочь не могло. Их была только неполная сотня против нашего полка...

Войномир вертел в руках, рассматривая, второй щит.

– Я вообще не понимаю, зачем такое нужно. Во-первых, щит теряет управляемость, во-вторых, чтобы сделать это приспособление, нужно дополнительное время и дополнительные затраты, то есть, щит становится слишком дорогим, в третьих, когда вой с детства обучается пользоваться щитом правильно, он сам выполняет то, что делает этот щит, и не теряет управления схваткой. Мне такой щит откровенно не по душе...

– Мне тоже, – князь-воевода положил на пол второй щит. – К своим мы больше привычны. А что там еще в мешке?

Воевода Славен сделал загадочное лицо, и вытащил из мешка простую длинную рубаху из посконной ткани. Но поверху рубаха была по кругу обшита обыкновенным морским пеньковым канатом¹⁷. Следом за рубахой из мешка показалась точно такая же обшитая канатом шапка.

– Ну и что? – спросил князь Войномир.

Он сам, как и все другие, многократно видели такой «доспех» самых бедных воев, которые не имели возможности занять доспех металлический. Смерды, когда вставали на защиту своих земель от какого-то внешнего нашествия, одевали такие же доспехи, и вооружались при этом своими же сельскохозяйственными орудиями, чаще всего, вилами, косами, и цепями.

– А вот наш сотник Волынец ночью подсмотрел, что за щиты у двух боярских воев...

– Рассказывай, сотник, – потребовал князь-воевода.

– Я не просто подсмотрел, я даже спросил... Это не щиты воев. Для сечи они слишком тяжелы. Эти щиты навешивают на борта драккаров, чтобы они гребцов прикрывали от стрельцов. Сам щит двойной, деревянный. А в середине точно такой же канат накручен. Вои говорят, что в этом щите даже стрелы наших стрельцов вязнут. И копье его не пробивает. Втыкается так, что его не вытащишь. Гребец высовывается, и обрубают копье топором.

– И что? – спросил князь Войномир.

– Я просто подумал, что вся тяжесть морского щита от толстых досок. Борт драккара пробить стрелой легче, чем щит. На борту доски тоньше. Но стрелу держат не доски, а пенька, канат. Он упругий. А если середину делать из каната, можно разной толщины, а верхний и нижний слои из тонких досок.

– Я понял... – задумался князь Войномир. – Но это необходимо будет сначала испытать. Конопля на Руяне выращивается достаточно. Даже даны и свеи у нас покупают. И ненамного меньше, чем зерна. Будем думать. Будем пробовать. А теперь – пора идти на службу.

– Только сначала – неприятная, как сказал жалтонес Рунальд, процедура. Налейте князю стакан воды.

Дражко вытащил из нагрудного кармана под кольчугой полученную от Рунальда склянку. Горлышко было узкое, и противоядие из него так и капало по капле в подставленный сотником Волынцом стакан с водой.

¹⁷ Пенька – волокно конопли, из которого плели пеньковые канаты. Этот промысел повсеместно известен еще со времен древнего Вавилона. У славян конопляное волокно было одним из основных статей экспорта.

– Строго пять капель. Ни больше, ни меньше... Десять дней, брат княже, придется потерпеть. Я уеду, Славен будет за тобой присматривать, чтобы не забывал, – князь-воевода заметил, как Войномир заранее морщится, даже не попробовав противоядие, имеющее довольно едкий запах, разлившийся по всей светлице. – Твоя жизнь сейчас – не твоя собственность. И ответственность ты несешь перед своим дядей князем Годославом за весь остров. Потому о своей жизни заботиться ты просто обязан, если дядюшку подвести не хочешь...

Глава четвертая

Утром, еще в темноте, князь Бравлин Второй послал за князем-посадником Гостомыслом сотника стрельцов Русалко, который оказался во дворе дома, где Бравлин обосновался. Гостомысл поспешил на зов, и пришел сразу после возвращения к князю сотника стрельцов. У Бравлина с утра уже, если не с ночи, сидело несколько вагров, из которых Гостомысл хорошо знал только княжеского секретаря сотника Зарубу, а остальных раньше лишь видел мельком. На столе у Бравлина располагалось что-то непонятное. На большом деревянном щите два человека выкладывали из глины нечто, что изначально было князю-посаднику не совсем понятно. И, только присмотревшись, Гостомысл начал узнавать очертания Ильмень-моря и Волхова, покрашенные в голубой цвет. И берега были уже покрашены. Только в зеленый цвет. Глина изображала, судя по всему, почти все княжество без Бьярмии, и захватывало большую часть княжества варягов-русов. По крайней мере, хорошо узнавалось русло Ловати, Полисти, и многих других рек и речушек полуденной стороны Ильмень-моря, и многочисленных прибрежных озер, соединенных с Ильмень-морем протоками или не соединенных. Только в том месте, где должна стоять сама столица соседнего княжества – Руса, были наложены кучей какие-то оструганные щепки. Люди, что работали с глиной, часто заглядывали в свитки бересты, которые лежали тут же на скамье. Иногда они обращались за советом к какому-то немолодому вагру, который шепотом что-то им объяснял. Этого немногословного вагра Гостомысл уже несколько раз видел, но тот появлялся в окружении Бравлина не часто. И от этого человека всегда сильно пахло костром, как от охотника. Потому, наверное, князь-посадник и принимал его за одного из княжеских охотников, который со своей артелью добывает в окрестных лесах мясо для строителей. Но сейчас немолодой вагр держался явно, не как охотник. Когда людям, что лепили из глины уменьшенные окрестности, было непонятно что-то даже после объяснений, вагр копался в разных свитках, находил нужный, и показывал. Гостомысл догадался, что свитки эти – работа немолодого вагра-разведчика. Он собирал все данные о местности, зарисовывал писалом на бересте, а сейчас два человека выкладывали все это в глине. Такого чуда Гостомысл еще никогда не видел. И, всегда внимательный к окружающим князь Бравлин, заметил удивление князя-посадника.

– Это, княже, лепная карта окрестностей. Бывают карты рисованные, реже бывают лепные. С лепной ориентироваться легче. Все видно. Нам с тобой так будет проще делами заниматься. Но я тебя не для этого хотел видеть. Пойдем в соседнюю горницу. Не будем людям мешать работать. Дело у них ответственное, ошибки допустить нельзя.

Гостомыслу не нужно было повторять, и разъяснять, что не столько они мешают людям работать, сколько люди эти не должны слышать то, что желает Бравлин сказать Гостомыслу. И потому без задержки двинулся вслед за князем.

В соседней горнице было плохо протоплено или печь уже почти остыла, но там было светло от множества зажженных лучин. В этой горнице располагалась большая библиотека князя Бравлина, которую последний вывез из Старгорода вместе с другим имуществом сразу, до того, как Карл отдал город на разграбление своему войску. Известно, что дома правителей грабят в первую очередь, потому что там обычно бывает, чем поживиться. Сейчас книги Бравлина во множестве были вытащены из нескольких привезенных сундуков, и стопками были выложены вдоль стен. Не меньше десятка книг лежало на столе. Две из них были раскрыты. Но князь-посадник Гостомысл, сам не большой любитель чтения, хотя человек, конечно, грамотный, и даже знающий несколько языков разных народов, к книгам Бравлина не притрагивался, и просто сел на скамью против княжеского кресла, наверное, единственного предмета мебели, привезенного князем из своей прежней столицы. Бравлин сел в любимое кресло, где ему всегда было удобно.

– Как показал себя сотник Русалко при расположении засек на дороге? – сразу спросил Бравлин. – Или ты, княже, там сам командовал?

– Ни я не командовал, ни Русалко. Работные люди сами знали, как засеки делать. Они, скорее, нами командовали, и нам позицию выбирали. Позицию для стрельцов на елках. И мне такую же позицию, как наблюдателю.

– Пока наш вал не готов, и стены тоже не готовы, я надумал поставить засеки и с других сторон. Чтобы хотя бы от нашествия хозар оберечься. Что по этому поводу думаешь?

– Я уже видел, насколько засеки непроходимы. Тем более, для конного войска. А у хозар, в основном, конница. Они же степняки по духу своему. Говорят, в седло садятся раньше, чем ходить научатся. Я считаю, что это их сдержит. Конница всегда любит идти широкой лавой. А если их заставить вытянуться длинной колонной, их можно будет на части рвать, и уничтожать. Они привыкли количеством брать. А на узкой дороге количество своей роли сыграть не сможет.

– Вот это я и хотел услышать. Только вот еще что мне подскажи. С какой стороны нам следует ждать хозар с наибольшей вероятностью?

– Обычно они идут сначала на кривичей, где бывает, чем поживиться, а потом уже на нас выходят. Могут просто пройти через земли кривичей, их города не трогая, и сразу на нас. Так уже бывало при батюшке моем. Со свежими силами пришли. Княже Буриной тогда одно крыло возглавил, словенское, а воевода Первонег второе – варяжское. У Первонег на хозар всегда меч отточен. Он сам из Мурома родом, где его отец воеводой когда-то был, и в сече с хозарами пал. За отца им мстит. Мы тогда с ними, помнится, сошлись в поле, но поле тоже с двух сторон лесами и оврагами было огорожено, и хозарская конница там быстро пройти не смогла, хотя пыталась обхват сделать. Но их в лесу варяжские стрельцы, по приказу Первонег выставленные, остановили. А в поле только равные числом полки сойтись могли. Простора для хозар мало было, маневр сделать сложно. Там мы их порубили. Я сам там копьем ранен был. Мне щит вместе с плечом пробил. И кольчуга удара не выдержала. Но не о том я вспоминаю, княже... Рана заросла, а опасность для княжества осталась. Иногда, бывает, что хозары дальше Полоцка проходят. Под самый под Изборск. Но крепость не обкладывают. Только окрест все жгут и вырезают. До Пскова, впрочем, не доходят. К нам поворачивают. От нас им отходить удобнее. Не мимо городов кривичей, где сильные дружины стоят и в Полоцке, и в Смоленске. Там с хозарами драться умеют. А через наши земли они чаще просто отступают, к городам не подходя. И мы их не преследуем. Ни мы, ни русы. Один раз только как-то было на моей памяти, когда собрали войско двух княжеств, и не пустили хозар, чем свои деревеньки спасли. А так, обычно, просто их пропускаем.

– Значит, закатную дорогу следует засеками огородить, – предположил князь Бравлин. – Я вообще-то так и думал.

Но князь-посадник Гостомысл продолжил:

– Закатную огораживать стоит. А еще, помню, хотя тогда я еще ребенком несмышленым был, да, точно, еще на женской половине жил, помню, тогда брат мой Владимир только-только на свет появился, с рук его еще не спускали, а я и на коня еще не садился, хозары с полуденной стороны приходили. Тоже от Смоленска и Полоцка, но не кругом шли, не по открытым местам, а лесами и реками. Подробности потом уже, взрослым услышал. На лодках через волоки прошли, и по реке сплавились. По Ловати и по Полисти сразу – с двух сторон. С устья Полисти по мелководью верхами прошли. До самой Русы. И город обложили. Там, под стенами, когда батюшка мой дружину привел, и сошлись полки. Варяги из города вышли. Хотя могли стрельцов на стенах оставить, и оттуда сверху сечу обстреливать, своих воев поддерживать, и хозарам маневра не давать. Больше толку было бы. Сеча-то прямо под стенами проходила. Так батюшка Буриной потом рассудил. Но тогда несогласованность какая-то в действиях случилась. Потому воев полегло много. Помню, много погребальных костров было. Носилки за носилками на Перынь возносили. Мы с матушкой со стены на это смотрели. Она Владимира

на руках держала. А я с полатей через тын смотрел. Это все оттого получилось, что одного командира не было. Батюшка мой еще молодым был. Варягов вывел старый князь Здравень, отец нынешнего. Он тогда уже совсем дряхлым был. А князю Буривою из-за его молодости довериться побоялся. Но сам никогда и не воевал до того. Воинских утех не знал. И даже полки поставил неразумно. Оттого и варягов, и словен полегло много. До сих пор помню женский плач. А с какой стороны в этот раз хозар ждать – знать не могу. Хозары и сами, думаю, не знают. Но на реке засеки не поставишь, хотя деревья можно и в реку сбросить. Только совсем реки все одно не перекроешь. Особенно Ловать. Она широкая. Да и лодок там плавает много. В одну, и в другую сторону. У варягов города там, городищи и крепостицы. Их от Русы никто отрезать не будет. Лесные дороги тоже есть, но короткие. Ими хозары не пойдут. Побоятся по незнанию. Если разведчиков пустят, те отсоветуют. Никуда эти дороги не приведут. Разве что, напрямиком в Бьярмию угонят. Но хозары туда не метят. Они тепло любят.

– А что кривичи?

– Шесть лет назад весной они от хозар отбились. Те изначально Смоленск стороной обошли, считая, что Полоцк укреплен слабее, но полочане крепко меч держать умеют, и хозары обратно в сторону Муром повернули – почти напрямиком в восходную сторону. Не решились после больших потерь ни под Смоленском проходить, ни в наши земли соваться. Под Полоцком их остановили, у нас просто добились бы. И под Смоленском тоже к встрече подготовились. Да и мы под Полоцк к соседям большой полк посылали. Брат мой старший Всеволод полк водил...

– А Муром?...

– А Муром уже много лет кагану¹⁸ дань платит. Все местные племена собирают, и мурома, и мещера, и всякие мелкие, кто там отдельными от своих племен общинами поблизости живет. Там и черемисы¹⁹, и меря²⁰ и мордва свои селения держат. Народы там перемешались. Только толку от этой дани мало. Она не спасает от набегов, и никак не защищает. Сам каган народ свой в поход не поднимает, конечно. Но, как какой-то новый хан силу наберет, мадьяр²¹, касогов²² и ясов²³ наймет, и в поход отправляется, и Муром в очередной раз сжигает. Мурому просто не дают возможности на ноги подняться. Ему бы лет десять выстоять без набегов, тогда можно было бы новые стены отстроить, хорошую дружину собрать. Тогда им хозары не страшны будут. Но им этого времени не дают. Людей постоянно в рабство угоняют. Населения почти не осталось. Остались только те, кто никому не нужен – бедные старики. Город слаб. С одной стороны его Ока прикрывает, а с трех сторон стены полуразрушены, и на восстановление нет ни средств, ни сил. И помочь им никто не берется. Все за себя боятся. А теперь, я слышал, каган

¹⁸ Каган – титул правителя Хозарии. Сам титул имеет, предположительно, тюркские корни. Историки расходятся во мнении о точном его происхождении. Наиболее вероятным переводом считается «хан ханов». После уничтожения Хозарии и завоевания хозарских земель князем Святославом Игоревичем, Святослав принял на себя титул кагана, который впоследствии носили и его потомки, киевские князья. Титул кагана не имеет никакого отношения к иудаистскому вероисповеданию части хозар, и распространенная еврейская фамилия Коган (Каган) произошла не от названия титула, точно так же, как не менее распространенная ирландская фамилия Коган. Еврейская фамилия происходит от слова «коэн», обозначающее человека, принадлежащего к сословию священников, а ирландская фамилия происходит от валлийского личного имени Коган – тоскливый, и является составной частью многих клановых имен.

¹⁹ Черемисы – марийцы.

²⁰ Меря – древний финно-угорский народ, проживающий в верховьях Волги на территориях современных Ярославской, Ивановской, Владимирской, части Московской и части Костромской областей. Предполагается, что народность меря была ассимилирована восточными славянами.

²¹ Мадьяры в то время были ближайшими соседями хазарского каганата с запада, и сами находились в физическом и экономическом подчинении хазар. И только ближе к концу девятого века они перекочевали еще западнее, на территорию современной Болгарии, а потом и еще западнее, на территорию современной Венгрии, завершив свое долгое переселение с Северного Урала.

²² Касоги – то же самое, что адыги, адыгейцы. Племена адыгов (касогов), являлись частью многонационального населения Хазарского каганата.

²³ Ясы – аланы, предки современных осетин. Отличались воинственностью. Владения ясов граничили на Кавказе с Хазарским каганатом, ясы часто воевали с хазарами, но охотно служили в армии каганата наемниками.

прислал туда и наместника своего, который и следит чтобы стены не восстанавливали, и дружину разрешает держать строго ограниченную, которая не в состоянии город защитить. Беда для народа муромского.

– По пути от Муром до Руси сильные города имеются? Племен там, я знаю, много, а города? Такие, что могут за себя постоять?

Князь Бравлин спрашивал, как допрашивал, сурово, в мыслях своих собранный.

– Не совсем по пути, только чуть в стороне. Ростов город сильный. Племена меря его построили. Ихний князь Ростислав. От него и город прозвался. К нему хозары тоже часто подступают. Меря – народ мирный, но за свое стоять готов. Так хозарам ни разу пока и не дался. И в поле хорошо держались, и город отстояли.

– А меря муроме помогать не берется?

– У них постоянной своей дружины-то почти нет. У одного князя небольшая. Только на случай войны ополчение и собирают. А княжеская дружина, слышал я, свой город только и держит. На все княжество у дружины сил не хватает. То от хозар отбиться, то от болгар. Хотя князь ростовский, поговаривают, с булгарами дружбу водит.

– А болгары что?

– Булгары сами кагану дань платят. А мелкие князьки на булгар в набеги не ходят. Слишком те сильны. Сложно с ними драться. И зачем, если можно тех, кто послабее ограбить. Чаще всего хозары на киевских полях ходят. Те тоже дань платят, но их все равно жгут и грабят. И полян, и северян, и бургасов²⁴, и мордву.

– Я постарался запомнить, что ты сказал, но плохо знаю географию тех мест, и потому мне сложно ориентироваться. Но твои слова я постараюсь запомнить.

– Если нужно будет, княже, спрашивай заново, я еще раз расскажу.

– Я разговор к другому веду. У меня к тебе, княже, дело такое... – со вздохом оценив высказанное Гостомыслом, вывел князь Бравлин свое мнение. – С закатной стороны мы засеки поставим, и летом, если боги силы даруют, у дороги пару крепостиц новых возведем. А вот полуденная сторона, и та, что между полуднем и восходом, меня беспокоят. Там засеки везде не поставишь. Слишком большое пространство придется перекрывать. Новые стены быстрее возвести, чем эти стороны перекрыть для прохода. Но что-то предпринимать все равно нужно. Вот я и надумал... Сам я уже не молод, чтобы в такие дальние края без беды ездить. И так после переселения из Старгорода здоровье прежнее найти не могу...

Гостомысл внимательно посмотрел на собеседника, и тут только заметил, как сильно тот изменился даже со времени войны с франками. Голова и борода стали почти полностью седыми. И только регулярная привычка аккуратно стричь голову и бороду не давали Бравлину Второму превратиться в старика. Да еще княжеская осанка. Широкоплечий, высокий, статный – он еще старался таким и остаться. Но в глазах уже не стало былого блеска, и твердой уверенности в себе. Но сказать это открыто князь-посадник не решился, не желая обижать князя Бравлина. Однако, и лгать тоже не хотелось. Бравлин ложь почувствует.

– Много тебе, княже, испытаний за последнее время выпало. Этого кто только не знает. Не каждый молодой и здоровый человек все это без ущерба для себя вынесет. А ты выносишь с честью. Я вот, молодой, кажется, сил и здоровья полный. А тебе, порой, завидую. Ясности ума твоего, умению найти правильное решение.

²⁴ Бургасы – большое племенное объединение, этническая принадлежность которого до сих пор остается спорной. Проживали бургасы по обеим берегам Волги от современных Сызрани до Волгограда. Занимались земледелием, скотоводством, бортничеством, торговали мехами. В седьмом веке северные владения бургасов были завоеваны пришедшими с южных степей булгарами. В восьмом веке бургасы могли порой выставить десятитысячное войско, что по тем временам считалось большой силой, и это войско совершало набеги на Волжско-Камскую Булгарию и на других соседей. Но с конца седьмого века сами бургасы находились под властью хозар, и платили им дань. В десятом веке перешли под влияние Руси. В одиннадцатом веке, предположительно, были ассимилированы половцами. С этого времени исторический след такого большого племенного объединения теряется.

Гостомысл не льстил, хотя он, в действительности, был человеком не завистливым. Просто князь-посадник своими словами желал поддержать князя Бравлина.

– Не в том дело, – покачал князь головой. – Возраст уже всерьез сказывается. Годы, как на голову каменной птицей вдруг упали. Не чувствовал ничего, не чувствовал, а потом вдруг, сразу как-то понял, что уже и меч не так крепко держу в руке, пальцы уже ослабли, хватка не та. Пока еще годы мои прожитые не так сильно давят, чтобы невтерпеж было, но уже усталость начинаю ощущать. А дела нам предстоит сделать большие, на которые много сил потребуется. И нельзя при этом о своем думать, когда на нас ответственность за народы наши. Без тебя, без помощи твоей, я не справлюсь. И потому, чтобы обезопасить Новгород на будущее, я хочу тебя отправить в дальнюю поездку. Навести Ростов и Муром, оттуда в Смоленск и в Полоцк наведайся. Поговори с тамошними князьями. Какая от нас помощь им нужна? Здесь жадничать нельзя никак. Чем сильнее они станут, тем надежнее будет у нас защита с полуденной стороны. Деньгами мы пока не богаты, и, наверное, не скоро разбогатеет. А вот пленников свейских частью можем и им передать на работы. Не много, но пару-тройку сотен сможем. И нам самим с кормлением легче будет. А то я уже жалеть начал, что так много свеев в плен захватили. Не учел, что промерзшим и уставшим людям еды больше требуется, чтобы восстановить силы. А тут и зима, как назло, крепчать начала.

– Как велишь, княже. Сам я никогда в тех местах не бывал. Но дорогу найду. Я бы с собой, с твоего разрешения, сотню Русалко вместе с самим сотником взял. И полусотню конников во главе с сотником Бобрыней. Этого мне хватит. На такую дружину и внимания пристального не обратят, за угрозу никто не примет, но и напасть не решатся. А все же для защиты сила тоже немалая.

– Пусть так. Я вообще-то думал Русалко послать смотреть, как засеки делаются. Но там, думаю, и без него управятся, коль ты говоришь, не он возведением их на полуночной стороне руководил. Бери с собой, кого пожелаешь. Когда поедешь? Как быстро сможешь собраться?

– Мои сборы не долгие. Запас на дорогу собрать, да воям приготовиться.

– Хорошо. Иди, готовься. Я Русалко сам предупрежу, пусть сотню в поход собирает. Через два часа будешь готов?

– Через час. Пусть Русалко, как воев соберет, вместе с Бобрыней ко мне подъезжает. Я выйду встретить...

* * *

Небольшое войско выехало из ворот Людиного конца уже вскоре. Гостомысл с двумя сотниками по бокам остановился, и с седла посмотрел, как идут работы. С дальнего берега Ильмень-моря на санях возили большие камни, которые устанавливались и «сваривались» разведенной горячей водой известью вперемешку с береговым песком в основании будущего городского вала. Сам вал уже начали насыпать. Мерзлую землю долбили кайлами пленные свеи. Они же и отвозили ее в санях к месту строительства вала, они же специальными, сшитыми по приказу Бравлина крепкими заплечными мешками и поднимали землю на высоту, где ссыпали и утрамбовывали землю другие пленники. Работа была не из легких. Особенно она казалась невыносимой для людей, которые в своей жизни умели только мечом, копьем и щитом работать. Всякий иной труд для свейских воинов казался оскорбительным. Но десятники, назначенные из числа знающих свейский язык словен и вагров, внимательно следили кто и как работает. От приложенных усилий зависело количество пищи, которую пленники получали. Тела свеев потели, и испускали на морозе пар. И потому им даже приготовили сменную одежду. Славяне всегда мягко относились к рабам, и проявляли о них заботу.

Долго рассматривать работы по устройству городского вала Гостомысл не стал. У него были свои дела, и время терять не стоило. Да и увидеть пока можно было мало что. И потому князь-посадник уже вскоре тронул коня пятками.

– Я по взглядам вижу, как свеи боятся наших стрельцов, – констатировал сотник Русалко. – На простых воев совсем не так смотрят. Хоть на пехоту, хоть на конников. А на стрельцов – со страхом и злобой. Уважают наши стрелы...

– Большинство из них на Волхове стрелами и побили, – сказал сотник Бобрыня, подерживая сотника стрельцов. – Не одни стрельцы с луками вышли. Как Бравлин и приказал, каждый вой луком вооружился. А там от берега до льда расстояние было такое, что никто не промахнется. Рыбу на несколько лет вперед накормим утопленниками. А волков лесных теми, которых у берега положили. А те, что спаслись, пусть рады будут, что им работу дали, и за работу кормят. Всегда лучше, чтобы человека кормили, чем самому человеку кормом стать.

Князь-посадник внешне никак не отреагировал на эти рассуждения. Тем не менее, про себя отметил, что среди новгородцев все еще живет ощущение победителей. Эта победа над небывало большим для последних лет войском свеев была, конечно, событием неординарным. Более того, событием, подоспевшим очень вовремя. То есть, тем самым действием, что помогло князю Бравлину Второму однозначно стать главой двух объединенных народов, как раньше он был главой только одного. Победа позволила подняться авторитету князя сразу на небывалую высоту. Ведь он не где-то в отдаленной Бьярмии победил врага, с которым боролся за земли, не очень-то и важные для жителей столицы словен. Он почти под городскими стенами встретил и уничтожил врага беспощадного, жестокого, который грозил новгородцам новыми бедами в дополнение к тем, что уже пришли к ним. И люди были довольны, что выбрали такого князя. Даже те, кто сомневался в Бравлине, кто считал его чужим, не могли не чувствовать к нему благодарности за спасение людей и свободы горожан. И сотники Русалко с Бобрыней, по сути своей, представители средних городских слоев, отражали своими словами общее мнение, хотя, был уверен Гостомысл, оба они, позволь им князь, на вече держали бы другую сторону, и требовали бы выбора Гостомысла.

Начало пути лежало через земли варягов-русов, но неприятностей с их стороны сейчас, после совместной победы над свеями, которой все еще жили жители двух городов, ожидать не стоило. Тем более, даже в глубинных территориях княжества русов уже наверняка знали о совместном походе против идущих в нашествие свеев. Следовательно, в словенах варяги видели сейчас близких союзников. Наверняка знали и понимали то, что это было именно нашествие, а не небольшой обычный набег с желанием просто пограбить, и унести то, что плохо лежит и вообще находится без пригляда, как часто случается с полуденной стороны, когда мелкие ватажки то хозар, то болгар отправлялись в набеги. Справедливости ради стоило заметить, что в набеги ходили не только полуденные соседи. Как обстояли дела у варягов, князь-посадник Гостомысл не знал, хотя предположить мог, хорошо зная современный себе мир. Но из Славена, практически, каждое лето на лодках, одинаково пригодных к плаванию и по рекам, и по морю, на, так называемых, ушкуях отправлялись куда-то ватажки лихих людей, которых так и звали по имени лодок – ушкуйниками. Чаще всего ушкуйники посещали как раз Булгарию, сильное ханство на большой реке Итиль²⁵. В богатых городах и поселениях болгар ушкуйникам было, чем поживиться. Единственное, чем отличались набеги ушкуйников от набегов самих болгар и хозар, ушкуйники никогда не захватывали в рабство людей. А хозары и болгары угоняли их на невольничьи рынки целыми караванами, оставляя на месте только стариков и ста-

²⁵ Итиль – средневековое название Волги. До этого Волгу называли река Ра (солнечная, светлая река). Название Волга более позднее. По одной из версий название происходит от слова Булга, как раз по имени Булгарского ханства. Но есть и другие версии названия реки – от марийского слова Волгыдо (светлая), а марийцы считаются первыми поселенцами на волжских берегах или от финно-угорского слова Valkea (светлая, белая). Но наиболее вероятной считается версия происхождения от древнеславянского Vьlga, что означает волглый, волога, влага, то есть, вода или даже Большая вода.

рух. Угоняли, в основном, женщин и детей, предпочитая мужчин убивать на месте, потому что мужчины считались опасным товаром. Кроме тех случаев, когда торговцы людьми получали специальный заказ на мужчин, требовавшихся для выполнения каких-то особо тяжелых работ.

Но в болгарское ханство Гостомысл в эту поездку наведываться не намеревался, значит, и беспокоится о возможной встрече с булгарами не стоило. Да и зимнюю поездку княжеского отряда трудно было спутать с летним набегом разбойников-ушкуйников, всегда предпочитающими лодки любому другому способу передвижения. Тем не менее, только в землях варягов-русов передвигались без соблюдения повышенных мер осторожности.

В Русу Гостомысл с сопровождающими заезжать не стал. Не такое было время, чтобы просить разрешение у князя Здравеня на проезд через варяжские земли. Да и тянулись земли княжества русов не столько глубоко, сколько широко, от берегов Ильмень-моря до Бьярмии, где крепостицы варягов стояли вперемешку с крепостицами словен. Пересечь землю соседнего княжества Гостомысл намеревался в течение одного дня. Начало пути шло по льду Ловати, самой большой и самой удобной для прохождения реки, в низовьях своих порогов не имеющей, но везде скованной прочным крепким льдом. На Ловати было расположено множество крепостиц, охраняющих подступы к Русе, там же располагалось и несколько городищ, Русе подчиненных, и управляемых воеводами, но Гостомысл заранее посылал пару человек вперед, чтобы гарнизон крепостиц и охрана городищ были предупреждены о проезде полуторасотенного отряда, и не волновались, и не жгли сигнальные костры. Тем более, этот отряд к Русе не приближался, а, наоборот, от нее удалялся. Тем не менее, варяги в крепостицах ворота закрывали, выставляли на стены стрельцов с приготовленными луками, и, хотя за ворота вежливо выходило несколько воев, старших по званию в небольших гарнизонах, это настороженности не отменяло. Только в первой крепости один из людей за воротами, направив коня к берегу и почти выехав на лед, узнав Гостомысла, обратился к нему:

– Дозволь полюбопытствовать, княже...

– Спрашивай, любопытствуй, – кивнул князь-посадник.

– Говорят, наши вои вместе с вашими знатно свеев на Волхове побили...

– Хорошо побили. Надолго, думаю, отучили в наши земли ходить.

– А много ли свеев было?

– Пять тысяч конницы, да четыре тысячи пехоты.

– Ого... И всех побили?

– Нет. Четырнадцать тысяч в плен взяли. Две тысячи к нам в город, две тысячи к вам. Будут отрабатывать затраты...

– Моя воля, я бы всех их перевешал. Работать свеи не любит и не умеют. Только воровать и грабить. Толку от них мало будет.

– Вот, кто хорошо работать не захочет, того и повесим, – отозвался Гостомысл, и, прекращая разговор, тронул коня пятками, снова выезжая во главу отряда.

Но еще в светлое время в одной из последних по порядку крепостиц разведчиков, посланных к воротам, предупредили, что чуть дальше, за поворотом реки земля варягов-русов кончается, и начинается земля племени меря. От местных жителей неприятностей ждать не следует, они люди мирные, хотя обижать их тоже никому не советуется, но недалеко находятся земли болгар. А болгары одинаково ходят что в летние, что в зимние походы – снега и мороза не боятся, поскольку в этих краях выросли, и привыкли. Сами меря крепостиц не строят, но стрела может вылететь из любого куста, даже из болотной кочки. Прятаться и маскироваться они большие мастера.

– Как зыряне... – отметил Гостомысл, вспоминая спокойные, как теперь казалось, времена войны за Бьярмию, когда все заботы лежали на плечах князя Буривого, а его сыновья только частично старались отца от забот разгрузить, и что-то на себя брали. Брали, и погибали, как погибли два старших брата Гостомысла, как потом, замещая самого нынешнего князя-

посадника, погиб младший брат Владимир. – Зыряне – народ охотой живущий, их сами их боги научили маскироваться. Так, бывало, что заляжет зырянин на дороге, ты конем по нему проедешь, и не заметишь. А сам он терпеть копыта будет. Только конь заволнуется. Тогда и смотри, на кого копыто наступило. Рассказывали как-то, одному зырянину, разведчику князя Войномира, конь на лицо наступил, а он перетерпел, ни пискнул.

– Вот-вот, я слышал, что и меря такие же, – согласился Космина, стрелец, что ездил в разведку, и разговаривал с варягами в крайней их крепостице. – Сам с ними не встречался, только от варягов о них и слышал. Они с меря часто торгуют. И даже вместе дальние обозы с рухлядью²⁶ отправляют. И в Словен, бывает, навевывались. А уж в торговле, говорят, не обманывают. Крашеную белку за соболя, как ляхи, не продают. Но у ляхов лучше вообще ничего и никогда не покупать. Я, помню, как-то подвизался с обозом в охрану. Так, случилось...

Гостомысл поднял руку, останавливая долгое и быстрое словоизлияние стрельца. Тот был, конечно, в сотне Русалко самым возрастным, следовательно, обладал самым большим жизненным опытом. Но, если бы говорил поменьше, как сам Русалко судил, стал бы незаменимым в сотне разведчиком, который все видит и все слышит, и с людьми разговаривать умеет. Любого «разведет» на долгий разговор с подробностями, и сумеет выпытать то, что выпытать требуется. Может быть, как раз потому, что так поговорить любит. И люди, чтобы стрельца остановить, сами говорить начинают. Порой даже больше его самого. И Космина ловко этим пользуется.

– Ты спросил дорогу, где нам поворачивать? – поинтересовался сотник Русалко у разведчика. Сотник посылал Космину, в том числе, и за этим.

Космина согласно кивнул.

– Сказали, сразу за деревней, что на реке встретится. Там у меря спросить следует. Их земля здесь узким рукавом идет. А если прямо по руслу подниматься, там уже будет земля кривичей. Кто хочет, может по Ловати до волоков подниматься, и дальше двинуть, того напрямиком дорога на Полоцк выведет.

– Туда мы позже двинемся, – сказал Гостомысл. – Пока нам в коренные земли меря нужно.

В коренных землях племени меря стоял город Ростов. Не такой старый, как Руса и Славен, но, как говорили, крепкий. Там и дружина княжеская была. Ростов поставил Ростислав, сейчас там правит его сын Изявлад. С ним Гостомыслу и надо было повидаться, и об общих делах поговорить, как то надумал князь Бравлин...

²⁶ Рухлядь – пушнина, шкурки ценных зверей.

Глава пятая

Деревня народа меря была, по сути дела, даже не деревней, а небольшой крепостицей, которую при необходимости взять штурмом, впрочем, можно было бы и теми малыми силами, которыми располагал князь-посадник Гостомysl. Небольшая деревенька стояла на утесе прямо над Ловатью. Со стороны реки никак не прикрытая, хотя обрыв был таким, что коннику по нему подняться было бы невозможно. Однако для пешего воя подъем труда не представлял, тем более, прямо в обрыве была вырыта лестница, которую чистили зимой, и посыпали речным песком. Но с трех других сторон деревню отгораживал от окружающего леса только тын высотой с человеческий рост, перебраться через который можно было без труда – просто с седла перепрыгнуть... Это все было видно издали, со льда Ловати.

– Космина! – позвал Русалко.

Стрелец-разведчик тут же оказался рядом.

– Поднимись по лестнице, поговори с теми воями, что наверху сидят.

– Что спросить?

– Дорогу на Ростов, – объяснил князь-посадник. – Посольство к ихнему князю Изявладу. Лучше будет, если проводника дадут. На ночлег к ним напроситься хотим. Договорись. Русалко, а где ты воев увидел?

– Воев не видел, – признался сотник стрельцов, кивая разведчику, чтобы тот поторопился, – но концы копий несколько раз над лестницей мелькали.

Космина зашепел вверх по лестнице.

– Да, они там уже давно. За нами следят, – согласился сотник Бобрыня. – Я тоже копыя видел. Только где у них въезд на берег?

– Если есть пристань, должен быть и въезд, – согласился Гостомysl.

Пристань стояла чуть выше по течению, наполовину на берегу, наполовину вмерзшая в речной лед. Рядом с пристанью на том же берегу на боку лежали две большие лодки. На зиму лодки обычно на берег вытаскивали, чтобы их льдом не раздавило. Лодки делаются из досок, а не из бревен, как пристань. А вода силу имеет такую, что, замерзая, даже камни ломает. Лодки берегли. Да и пристань, как обычно бывает, каждую весну, видимо, ремонтировали. Но это было проще, чем вытаскивать на берег такое тяжелое сооружение.

Въезд на берег только слегка просматривался под снегом, ссыпавшимся всю зиму с обрыва. Он вел от пристани вокруг утеса. Гостомysl просто из любопытства, да еще и из-за позднего времени, решил в деревеньку заехать, где возможно было переночевать, и потому направил лошадь прямо в снег, выехал со льда реки на берег, и двинулся по летней дороге. Сопровождение молча направилось вслед за князем-посадником. Лошади вязли в сугробах почти по самое брюхо, но, послушные воле всадников, выбирались, и поднимались дальше...

* * *

Деревенька племени меря оказалось даже не деревенькой в привычном понимании этого слова, а целым поселением с не менее, чем сорока домами-землянками. Поселениями меря называют большие деревни, не занятые сельским хозяйством. Это князь-посадник быстро понял. С седла, когда смотришь окрест, не было видно ни одного обработанного поля. Значит, здесь жили не простые смерды-земледельцы, а, скорее всего, рыбаки, охотники и ремесленники. Отряду Гостомysла при походе по льду Ловати встречались неподалеку длинные узкие проруби, в которые рыбаки, видимо, запускали невод. Значит, река кормила людей.

Навстречу Гостомыслу вышел стрелец Космина, окруженный шестью десятками местных жителей, облаченных в доспех из посконных рубах, обшитых по кругу толстой пеньковой веревкой, и в таких же шапках, отчего вои казались чрезвычайно головастыми. Но князь-посадник хорошо знал, что такой доспех порой защищает не хуже стального. Только у одного из встречающих на голове был кольчужный капюшон, одетый на традиционный войлочный, точно такого же размера. И именно этот вой был вооружен настоящим мечом. У остальных были только копья, щиты и тяжелый длинные дубинки с короткой цепью на конце. На другом конце цепи или металлический шар с шипами, или просто толстая тяжелая деревяшка. Это были обычные боевые цепи. Но каждый из местных воев носил за плечом налучье с простым коротким луком, а на поясе небольшой тул с десятком стрел. Для дистанционного боя такой лук не годился, но для стрельбы с утеса сверху вниз или же просто с близкого расстояния и он представлял опасность.

Других дорог, кроме русла реки, к поселению не вело. Только узкие тропинки уходили, разветвляясь, в окружающий лес. По этим тропинкам, видимо, поселяне ходили по дрова и на охоту. А по льду был проложен санный путь, и это говорило о том, что поселяне живут и зимой не оторванной от мира жизнью. Причем, санный путь проходил укатанный и вниз, и вверх по течению – и в сторону земли варягов-русов, и в земли полочан-кривичей²⁷, а то и дальше, в земли полочан-смолян. Значит, местные меря с другими княжествами активно общаются.

Наличие готовых к бою воев в таком большом количестве уже говорило о том, что местные меря о своей безопасности заботятся, живут настороже, и, видимо, держат на реке часовых. Об этом можно было бы и раньше догадаться, увидев на льду не присыпанную снегом лыжню. Часовые-меря, очевидно, бегали на лыжах, и бегали несравненно быстрее конной колонны. Иначе вои не смогли бы вовремя подготовиться к встрече предполагаемого неприятеля.

Но в этот раз пришел не неприятель. Народ в поселении меря был, видимо, перво-зданно-доверчивый и гостеприимный, и, даже не зная лично князя-посадника Гостомысла, пришельцев встретили с радостью, несмотря на то, что было их намного больше, нежели воев в самом поселении. Для самого Гостомысла сразу отвели единственный в поселении дом, где располагался со своей семьей местный староста, он же и воевода. Это был тот человек, что носил на голове кольчужный капюшон, и был вооружен мечом. Дом старосты был двухэтажный, что слегка удивляло, поскольку вокруг стояли только землянки, и даже одноэтажных домов в поселении не было. К моменту подъезда князя вся семья хозяина уже перебралась на прохладный первый этаж, предоставив Гостомыслу второй в полное распоряжение. Впрочем, князь-посадник забрал с собой и двух сотников – Русалко и Бобрыню, чтобы не скучать в одиночестве. Остальных воев, и стрельцов, и конников, разместили в своих землянках поселяне. Но землянок на всех не хватало, и потому старались устроиться по несколько человек в каждой. В каждой небогатой семье всегда находилось, чем гостей угостить. Впрочем, у воев был с собой запас провизии, и они тоже угощали хозяев, стараясь не вводить тех в лишние расходы. Семьи все были многодетные, и детей тоже требовалось кормить постоянно.

Как и предполагал князь-посадник, поселяне меря промышляли рыбной ловлей и пушной охотой, потому и стол у них состоял, в основном, из разнообразных рыбных блюд, которые ели с пареной репой, выращенной, видимо, на огородах, расположенных рядом с тыном с внешней стороны поселения. Сказать, что новгородцы после своей вынужденной городской диеты были голодными, тоже было нельзя. Тем не менее, угощению хозяев они были рады, и, согласно обычаю, не обижали хозяев отказом от пищи. Если ешь и пьешь в чужом доме, значит, хозяевам доверяешь, и не желаешь им зла, и никогда не поднимешь на них руку, как

²⁷ Кривичи привычно делили себя на кривичей-полочан со столицей в Полоцке, на кривичей-смолян со столицей в Смоленске, и кривичей-псковитян со столицей в Пскове. Причем, кривичи-псковичи чаще соотносили себя с новгородскими словенами, чем с собственно кривичами, и даже признавали свое подчиненное положение перед Новгородом, а в какое-то время своей истории даже входили составной частью в Новгородскую республику.

и они на тебя. Этот славянский обычай был, видимо, распространен широко, и у народа меря тоже был известен и применялся.

Гостомысл и его два сотника сидели за столом с местным старостой Идаричем, средних лет мужчиной, находящимся, видимо, в самом расцвете своей физической силы, если можно было силу оценивать по стати и ширине развернутых плеч.

– А что тебе, княже, наш Изявлад понадобился? – произнес все же староста вопрос, который, видимо, давно у него на языке вертелся. Гостомысл видел, что его желают о чем-то спросить, но спросить стесняются.

Славянским языком староста владел свободно, зря что ли поселение со своими землями уходило рукавом в земли славянские, но все же некий отдаленный акцент был слышен. Все слова произносились словно бы с легким удивлением.

– Меня послал наш князь Бравлин Второй. Он желает заключить с князем народа меря и со всем вашим народом союз по защите общими силами наших земель от хозарского нашествия.

– Да. От хозар всегда беду ждем... – согласился Идарич. – А вместе всегда отбиться проще. Дело нужное. Только князя нас не спросят, как быть. По крайней мере, наш князь нас спрашивать не будет. Нам уже мурома предлагали рати объединить, но наш Изявлад сказал, что у него в Ростове стены надежные, и он за стенами от любого врага отсидится. А за чужие стены гибнуть свою дружину не пошлет. Это у нас здесь, в поселении, таких стен нет. Нам отсиживаться негде, остается только в лодки сесть, и бежать, когда хозары или болгары подступают. Пожгут дома наши, и все. Мы себе новые землянки выкопаем. Потому кроме землянок в поселении всего один дом – мой. В прошлый раз от болгар бежали, я сам свой дом, первым запалил. Кто-то по моему примеру свои землянки сжег вместе с имуществом. А взять с нас больше нечего. Но и землянки тоже жалко. Их с собой не унесешь. И запасы в каждом доме есть. Их тоже все в бегство нехватишь. Лодки у нас скромные. Только-только всех людей вмещают. Каждый с собой в бегство один мешок берет, и все. Мы еще три года назад князю Изявладу жаловались на свою участь. Так он говорит, бросайте землянки, в Сарское городище²⁸ переселяйтесь. Там будете рыбу в Неро²⁹ ловить, ростовцев кормить. Землянки себе и там построить сможете – невелика сложность. А за городскими стенами выжить проще. Никак всех меря собрался в один город собрать. А мы ведь не одну рыбу едим. Мы же все до одного, почитай, охотники и бортники³⁰...

С этими словами Идарич распахнул дверцы настенного ларя, и вытащил пару больших берестяных жбанов, судя по запаху, со сладким не хмельным медом. Поставил на стол и кружки, тоже берестяные, разукрашенные выжженной резьбой.

– Значит, князь ваш с соседями дружбу водить не хочет? – напрямую спросил Гостомысл. – И в помощи соседям отказывает?

– А кто ж за самого князя ответить может... – уклонился староста от прямого ответа. – Попробуй... Договоришься, мы все рады будем. Все нам вместе жить и выживать станет легче...

²⁸ Сарское городище – племенной центр меря, известный с начала седьмого века. На месте этого городища был построен город Ростов. Меря еще долгое время звали Ростов исконным именем – Сарским городищем.

²⁹ Неро – озеро, на берегу которого и стоит город Ростов.

³⁰ Бортники – собиратели меда диких пчел. Давний развитый промысел в Восточной Европе. Мед диких пчел ценился в несколько раз выше меда пчел, живущих в ульях. Происходит от древнеславянского слова «бортъ» – дупло дерева.

* * *

Вечерний разговор со старостой поселения Идаричем настроения князю-посаднику не добавил. Гостомысл слышал уже про такие случаи, когда князья, уверенные в собственных стенах, не желали приходить на помощь один другому, и, в результате, и те и другие становились жертвой нашествия. Причин здесь могло быть много. И самовлюбленность, как самая частая. Уверенность в своих силах. Часто нерасчетливая уверенность. И неприязненные отношения с соседями. Бывает, что и обида на соседей. Но при общей беде про обиды забывать следует. Что бы получилось, если бы словене обиделись на русов, и не стали их звать в сечу против свеев? Свеи, наслышанные о пожаре, на это, похоже, и рассчитывали. И вообще князья потому и могут правильно управлять своими народами, что обязаны личные обиды и амбиции отставлять в сторону, когда дело доходит до важных событий. Конечно, если князь Изявлад излишне самоуверен и самовлюблен, с ним трудно будет договориться. Но попытаться все же стоит. Гостомысл не знал, какие отношения между Ростовом и Муромом. Между Новгородом и Муромом отношения были одни. Новгородский воевода Первонег был сыном бывшего муромского воеводы. Но между Ростовом и Новгородом, который раньше был Славеном, вообще никаких отношений не было. И отношения эти требовалось установить. Желательно, добрососедские отношения. Делить двум княжествам было нечего. Княжество народа меря имело общую границу с Новгородским княжеством, проходящую по руслу верховьев реки Итиля, по другим многочисленным здесь рекам. И никаких земельных споров, насколько знал Гостомысл, между словенами, а, тем более, новгородцами, с одной стороны, и меря, никогда не возникало³¹. Это кривичи порой говорили, что земля, где поставлен град Ростов, когда-то принадлежала им. Тем не менее, кривичи на сам Ростов не претендуют. Когда-то, да, эти земли были окраинными владениями кривичей, как и муромская земля. Отдаленной и необжитой окраиной, где живут непонятные кривичам племена. Но четкой границы между кривичами и племенем меря проведено никогда не было. И те, и другие, если уходили на окраину, селились там, где придется и где приглянется, и потому претензии той и другой стороны выглядели равнозначными и равносильными. Так поселение меря, в котором провел ночь князь-посадник Новгорода со своим сопровождением, вклинивалось между племенами варягов-русов и кривичей. И ни те, ни другие ничего против этого поселения не имели.

Так же, как князь Бравлин Второй и сам князь-посадник Гостомысл ничего не имели против тех поселений меря, что располагались порой на левом берегу Итиля. А левый берег считался словенским. Точно так же несколько деревенок словен, насколько знал Гостомысл, выбрали себе место на правом берегу, и там же выращивали на полях лен. Это можно было бы считать и нарушением границы, но не таким грубым, чтобы вызвать споры. И потому Гостомысл рассчитывал суметь договориться с князем Изявладом о совместной деятельности ради соблюдения совместных интересов...

* * *

В путь отправились еще в темноте, хотя дни уже становились длиннее, светало раньше, чем несколько дней назад, следовательно, и продолжительность нахождения в дороге увеличивалась, хотя была еще далека от летней. Но, памятуя, что ему предстоит длительное путешествие, князь-посадник торопился, и потому предпочел не задерживаться. И даже, предвидя

³¹ Ростово-Суздальское княжество, которое будет претендовать на земли восточнее новгородского княжества, было создано позднее описываемых событий.

обязательную задержку, решил обойти стороной важный город своего княжества Торжок. Там, решая какие-то местные проблемы, можно было бы на несколько дней застрять.

Староста Идарич, как и обещал, выделил проводника, который должен довести отряд Гостомысла до другого поселения меря, и договориться о том, чтобы его сменили, а сам он должен был оттуда вернуться в одиночестве. У проводника было непривычное и труднопроизносимое для славян имя Казце, но, при этом, имя легко запоминалось. Проводнику предложили одну из «заводных»³² лошадей отряда, но он отказался, отдав предпочтение широким лыжам и легкому высушенному шесту, которым толкался при движении. Так проводнику было привычнее передвигаться. Кроме того, староста предупредил, что дорога будет полностью заснежена. По ней в этом году еще никто не передвигался кроме пары лыжников, и потому лошадям там будет трудно. И это была еще одна причина, чтобы выйти пораньше.

К моменту выезда из поселения кто-то из местных заботливо распахнул одну из створок плетеных из лозняка ворот. И даже снег за воротами расчистили, чтобы лошади хотя бы первые шаги совершали не в сугробах. Но привычные боевые кони отряда были хорошо обучены, и не боялись снежной целины. Первым двинулся проводник Казце. Его широкие лыжи, подбитые по нижней поверхности бобровым мехом, который отталкивает влагу, и потому не замерзает на морозе, и при этом не позволяет лыжам скатываться, когда приходится подниматься на какую-то горку, совершенно не проваливались в снег, оставляя поверху только легкие ровные углубления. Легкий еловый шест, пробивая снег, показывал, что настоящих сугробов здесь нет, и лошадям осилить такой путь вполне по силам. И конники смело двинулись вслед за проводником, который время от времени корректировал направление движения через лес, и ориентировался при этом, как было заметно, на толщину снега, стремясь ехать там, где толщина снежного покрова минимальная. Заботился, то есть, чтобы лошади не выбивались из сил, выбираясь из глубоких сугробов.

Всадники между собой почти не разговаривали, словно это не их кони, а сами они пробирались через снежную целину, и опасались сбить дыхание. Тот, кто часто сидит в седле, знает это ощущение. Конь и всадник так хорошо понимают и чувствуют друг друга, что неосознанно стараются один другому помогать. Подобные же ощущения происходят тогда, когда конь под всадником начинает уставать. Одновременно и всадник чувствует собственную усталость, устраивается на отдых, якобы, для себя, хотя, в действительности, это есть отдых для коня. Так это все и проходило. Отряд двигался неуклонно вперед, безостановочно, и в этом движении встретил рассвет.

Определить дорогу, не зная ее хорошо, было сложно. Князь-посадник Гостомысл думал, что сам не сумел бы здесь сориентироваться, если бы староста Идарич не послал с ними проводника. Конечно, можно было бы двигаться просто по направлению, не имея дороги, и тогда отряд, в любом случае, вышел бы на берег Итиля, где имеется немало поселений и деревень и меря, и словен. Но там проводника пришлось бы искать в любом случае, потому что сам город Ростов лежит не на берегу Итиля, а на берегу озера Неро.

Но самостоятельный проход в направлении Итиля был чреват тем, что отряд мог увязнуть в глубоком лесном снегу. Определить под снегом дорогу человеку, с этой дорогой незнакомому, было, практически, невозможно. Но Казце шел уверенно, ничуть не сомневаясь. Он просто знал эту дорогу, и, скорее всего, многократно уже проходил. Сам же князь-посадник, хотя и искал взглядом приметы, которые должны были бы показать, что здесь между деревьев дорога извивается, ничего не находил. Не было ни срубленных деревьев, мешающих чьему-то проезду, ничего такого, что роднило бы эту дорогу с той лесной дорогой, где словене вместе с ваграми и с варягами-русами совсем недавно устраивали засаду на свеев. И хотя староста Идарич предупреждал, что за зиму по дороге пара человек уже проходила на лыжах, сейчас следов

³² «Заводная» лошадь – запасная, обычно ведомая привязанной поводом к задней луке седла, «заведенная за основную».

лыж тоже видно не было. Снег зимой редкостью не бывает. И, скорее всего, давно уже скрыл следы прошедших здесь когда-то лыж. Так, осиливая сложный путь, отряд и сам не заметил, что время уже приближалось к привалу. И сотник Бобрыня напомнил об этом князю-посаднику.

– Объявляй! – разрешил Гостомысл...

* * *

Послеобеденный отдых не затянулся. Торопил всех проводник Казце, который намеревался сегодня же назад вернуться, невзирая на то, что темнота в зимнее время наступает рано. Казце не боялся ни темноты, ни волков, которые были где-то в стороне. Наверное, он был привычен к таким звукам в лесу, зря что ли носил за плечом налучье с луком и тул со стрелами на поясе. Правда, нож в ножнах у проводника был костяной, и опасный только острием, но никак не лезвием. На этот нож Казце накалывал куски жареной кабанятины из запасов новгородцев, но вот разрезать своим ножом большой кусок не мог. Против волков, если они на человека нападут, этот нож мог стать только колющим оружием, и не больше. А колющее оружие обычно используется только один раз. Нанести второй колющий удар человек, как правило, не успевает. Да и само костяное лезвие было такой толщины, что, вогнав его в одного волка, едва ли сможешь сразу вытащить из тела, чтобы снова использовать.

Посмотрев на нож проводника, Русалко встал у костра, где подогревали мясо, снял с пояса свои ножны с ножом, и протянул Казце.

– Возьми. Это подарок от меня. Недавно еще этот нож принадлежал свейскому конунгу, и входил в пару с его мечом. Клинок там хороший, острый. Только точить его нужно долго и старательно. Тяжело точится – сталь твердая. Тебе такое оружие стодится...

Нож был длиной с целый локоть. Казце с радостью принял подарок, и рассматривал оружие восхищенным взглядом.

– А ты разрешишь его на черенок насадить? – спросил проводник сотника.

– Я уже не могу разрешать тебе или не разрешать. Это твой нож. Делай с ним, что хочешь. Только не понимаю, зачем такой нож сажать на черенок.

– Рогатина будет. Ведмедя добывать.

Русалко улыбнулся.

– Спроси нашего князя, как его отец добывал ведмедя. Целые праздники для этого устраивали... Мы все это много раз видели.

– Как? – любопытный меря повернулся к Гостомыслу. Он был, видимо, заядлым охотником.

– Просто, – объяснил князь-посадник. – Люди ловили ведмедя, и в цепях приводили его к моему отцу. Перед ним цепи отпускали, и разбегались, кто куда может. Отец выходил, бил ведмедя кулаком в грудь, и убивал.

Проводник усердно закивал головой.

– Я слышал про такого человека. Про него сказки у нас рассказывают. Его звали князь Буриной. Так, кажется.

– Да. Это был мой отец! – сказал Гостомысл с гордостью.

– Ты – сын Буриной! – воскликнул Казце.

– Да, – слегка удивился князь-посадник.

– Значит, это не сказки? Значит, Буриной на самом деле был?

– Конечно. Он умер только в начале этой зимы. А осенью, на моей свадьбе, убил своего последнего ведмедя.

– Как он умер?

– Его отравили... – неохотно признался Гостомысл. – Хозары отравили. Через своего человека, которому батюшка доверял...

Князь-посадник не захотел рассказывать, что отравила князя жена его брата, сначала просто дочь хозаритянской рабыни, а потом княжна Велибора. Хотя это и не было тайной, тем не менее, Гостомыслу казалось, что рассказ об этом бросает тень на всю его семью. Кроме того, он сам себя назвал воспитателем сына Вадимира и Велиборы Вадима. Значит, обвинения в адрес матери могли бы и на плечи ребенка тяжким грузом давить, хотя он сам во время преступления еще и не родился на свет. А Гостомысл такого не желал. Ребенок не мог отвечать за свою мать, какой бы она ни была. А Гостомысл хотел вырастить из племянника настоящего новгородца.

– Такого человека нельзя было одолеть в бою, – сказал проводник с непонятной словенам гордостью, словно князь Буривой принадлежал к племени меря. Но, скорее всего, Казце просто возгордился, что познакомился с сыном прославленного князя. – Его только предатель мог отравить. Что же ты в нашем поселении не сказал, чей ты сын! Мы бы тебя до самого Ростова на носилках несли...

– Я привык, чтобы меня конь носил, – скромно ответил князь-посадник. А в носилках я только один раз передвигался, когда тот же человек, что отца отравил, направил и в меня отравленную стрелу. Не сам, но уговорил другого человека, который мне служил. Я был без памяти, и меня в чужих краях несли в носилках к человеку, который меня спас и вылечил.

Казце решительно встал, и расправил крепкие плечи:

– Лошади отдохнули. Нам пора идти. До следующего поселения осталось меньше, чем мы прошли...

* * *

И снова потянулся долгий однообразный путь по снежной целине. Первым опять шел проводник Казце, казалось, не чувствующий усталости. Но лошади за ним успевали без напряжения. Наверное, потому, что Казце умело выбирал путь с наиболее мелким снежным покрытием.

Скоро отряд вышел на берег реки.

– Это Итиль? – спросил Русалко проводника.

– Нет. До Итиля вы дойдете только завтра. Это река Пола. Завтра утром вы перейдете еще реку Цна, которую ниже по течению зовут Мста, а завтра к вечеру, если боги позволят, сойдете на лед Итиля...

Гостомысл ничего не сказал. Он был далек от знания географии этих мест, но подумал, что получилось бы не очень забавно, если бы его отряд двинулся по льду Пола, думая, что это Итиль, и вышел бы в итоге на лед Ильмень-моря. А еще смешнее получилось бы, если бы отряд пошел по льду Мсты. Тогда он напрямик угодил бы в Новгород, и вернулся, не посетил ни Ростова, ни Мурома. Князь Бравлин не слишком обрадовался бы такому скорому возвращению князя-посадника. Гостомысл не любил выглядеть смешным, и потому ничего не сказал своим сопровождающим о собственных мыслях. Но, видимо, такие же мысли посетили и Русалко с Бобрыней. Это Гостомысл понял по улыбкам, играющим в их глазах. Им подобное казалось просто забавным провалом миссии, но не более.

Но фраза о том, что боги позволят или не позволят быстро добраться до русла Итиля, была, видимо, совсем не случайной. Это князь-посадник понял по поведению проводника. Да и сами слова, которыми эта фраза была произнесена, в завершающей своей стадии были раздумчиво-растянутыми, словно Казце что-то не договорил. Но не договорил не умышленно, а только по непониманию ситуации.

– Сойдем на лед, княже... – отчего-то с напряженным ожиданием в голосе, словно предвещающая что-то, что там, внизу должно проясниться, позвал проводник, показывая на пологий, покрытый снегом спуск к реке.

Казце вдруг почти подпрыгнул, и лыжи его заскользили по склону, все ускоряя и ускоряя спуск. В отдельных местах проводник красиво наклонял тело, и делал виражи, объезжая отдельные препятствия. При этом ловко подправлял направление спуска шестом.

Коням этот спуск дался чуть ли не более тяжело, чем вся предыдущая дорога. На склоне снег был более глубоким, и тонкие ноги скакунов проваливались глубоко. Но сильные умные животные не суежились, и выбирались из снежных оков мощными прыжками. Таким образом, не быстро, но все же спуск был преодолен. Казце ждал конников уже на льду. Но смотрел он не на князя Гостомысла, который к нему приближался, и не на другой берег, куда следовало двигаться отряду, а куда-то вперед по руслу реки. При этом проводник широко раздувал и без того широкие и слегка растопыренные ноздри своего носа, принюхиваясь к ветру, который потоком шел по реке, и нес легкую поземку.

– Что там? – спросил Гостомысл, и сам попытался уловить носом какие-то запахи. Справа от князя-посадника сотник Бобрыня, тоже обладатель чуткого носа, громко потянул воздух.

– Однако, там горит что-то, княже... И сильно горит...

Русалко тоже попытался уловить запахи, но только плечами пожал. У него нюх был не настолько чуткий.

Казце повернулся к князю-посаднику. Он слышал слова Бобрыни, и подтвердил их.

– Горит, княже...

– Что горит? – строго спросил Гостомысл. – Что там есть?

– Там, за поворотом берега, поселение меря. Большое. Почти сотня домов, если не больше. Они горят... Их, никак кто-то пожег...

– Кто мог среди зимы пожечь поселение? Да еще такое большое...

– Булгары могут по льду подойти. До нас далеко. К нам в поселение только хозары по реке ходят. А сюда булгары навещаются. Хозары, конечно, здесь тоже бывают, но только летом. Посмотреть надо бы. Может, помощь требуется... Ты, княже, время зря не теряй, напрямик на тот берег со своими людьми поднимайся, сначала вдоль мелкой речки иди, она через лес вас выведет. Речка мелкая, как ручей, до дна промерзает. А там уже запах дыма почувствуете. И на деревню выйдете. Небольшая деревня, но там дальше путь покажут. А я посмотрю, что здесь. Людей в беде оставлять нельзя...

– А мы что тебе, не люди? – грубо спросил сотник Бобрыня.

– Так вы не в беде. Вы дойдете. Тут рядом уже...

– Я не про то... – огрызнулся сотник. – Нечто мы в беде никому помочь не сможем. Княже!

Гостомысл решил. Он решил еще раньше, сразу, как только Казце сказал про возможный набег булгар. Но Бобрыня князя опередил.

– Вперед! Веди нас, Казце... Где поселение? Там?

Князь-посадник показал рукой. Теперь стало видно густые клубы черного дыма, что поднимался из-за поворота реки. Раньше, видимо, дым скрывало высоким и мощным утесом, а теперь ветер, переменявшись, поднял дым выше.

На льду ветер не давал снегу залежаться, постоянно трамбовал его, и сдувал излишки. Потому по реке можно было пустить коней вскачь. Проводник на лыжах не успевал за всадниками. Но, когда полторы сотни подсккали к повороту реки, и остановились, не желая сразу показывать всю свою силу на открытом пространстве, проводник вдруг неожиданно оказался рядом с Гостомыслом, вынырнув откуда-то под шейей его коня.

– Вы здесь подождите. Я посмотрю... – и показал своим шестом на утес, куда намеревался, видимо, подняться сбоку.

– Как, ты не отстал от нас? – удивился князь-посадник, рассматривая проводника, который даже не запыхался, хотя слегка запыхались даже лошади. Гостомысл видел, как Казце

быстро спускался по склону берега, но там было понятно, там он мог с лошадей в скорости поспорить. Но не на ровном же месте...

– А он, княже, за хвост моего коня ухватился, – объяснил сотник Русалко. – И как на санях доехал. Молодец, соображает...

Красивый игрневый³³ конь под сотником Русалко был из тех, что были привезены из Вагрии – трофейный, захваченный словенами в бою у франков. Сильный и высокий, с необычайно длинными гривой и хвостом. Гостомысл видел, что франкские рыцари любят таких коней. Они не слишком быстры, зато выносливы и сильны, и без натуги носят тяжелых франков, закованных в доспехи. Сами франки, слышал Гостомысл от князя Бравлина, называли этих коней фризами³⁴. На коня сотника Русалко всегда обращали внимание. И в Новгороде, и в Русе. Но вот оказалось, что необыкновенно длинный хвост благородного животного может оказаться не только предметом красоты, но и весьма полезным вспомогательным средством передвижения.

Новгородцы остались перед поворотом, а их проводник, сняв лыжи, стал взбираться на высокий крутой берег. А, взобравшись, как было видно снизу, сразу лег в снег. Но лыжи свои Казце из рук не выпустил. При подъеме он опирался на них. А вскоре, уже успев нацепить лыжи на ноги, спрыгнул с обрыва, и сразу начал спуск. Но этот склон был настолько крут, что скорость оказалась чрезвычайно высокой. И проводник не сумел остановиться рядом с отрядом всадников, а проехал далеко дальше в сторону середины реки. Русалко пришлось пустить коня вскачь, чтобы догнать Казце, и всем продемонстрировать еще раз способ передвижения ловкого меря...

³³ Игрневая масть лошади – вороной или гнедой конь с белой длинной гривой и белым хвостом, часто имел на ногах длинный волосной покров тоже белого цвета – сапожки. Позже к игрневой масти стали относить и лошадей со светло-серыми гривой и хвостом.

³⁴ Фризы – порода лошадей, выведенная на территории современной Голландии в средние века специально для того, чтобы эти лошади носили тяжелых рыцарей. Отличались длинными кудрявыми гривами и хвостами до земли. Чаще всего фризы были вороной (черной) масти. И лишь изредка встречались игрневые, которые особо ценились. Цена такого рыцарского коня равнялась цене двух средней величины деревьев вместе со смердами и землей. Столько же стоил и полный комплект рыцарских доспехов.

Глава шестая

– Что там? – спросил Гостомысл, едва проводник оказался рядом.

– Горит все...

– Булгары?

– Не знаю. Далеко. Около трех сотен конников, как мне показалось. Но шапки, кажется, с лисьими хвостами. Такие булгары носят. Людей к веревке привязали, к реке ведут. Но что-то мне не все понятно в этом.

– Что не понятно?

– Обычно булгары забирают на продажу женщин и детей. Мужчин убивают. Здесь, смотрю, больше мужчин ведут. Эти, связанные, уже ближе ко мне тянутся. Их я рассмотрел. Женщин мало, детей вообще не видно. Но я тоже долго не разглядывал. Любоваться нечем. К вам поспешил. Может, детей с женщинами отдельно повели? Не знаю.

– А чем местные мужчины занимаются? Как у вас, тоже рыбу ловят?

– Нет. Здесь место не рыбное. Река с гнилью. Мужики больше лес рубят. И строят. Плотники. Дома рубят. Хотя и рыбаки тоже есть. Плотников кормить надо. Вот и ловят. Река на пропитание наловить разрешает. Но не на продажу.

– Почти понятно. Кому-то плотники понадобились. Заказ... Бобрыня!

Как всегда бывало, когда требовалось действовать, Гостомысл соображал и говорил быстро, сразу отдавая выверенные приказы.

– Я здесь.

– Возьми свою полусотню, устрой разгон, выскочи из-за утеса, чтобы они тебя заметили, и притормози. Испугайся, и в бега подайся. Замани их сюда...

– Их три сотни... – предупредил Казце. – Не справимся.

– Русалко, расставляй стрельцов. Ближе к берегу. Под обрыв. Надо людей от неволи спасать. Будь их хоть пять сотен. Русалко справится!

Последние слова Гостомысла уже были адресованы проводнику, который выразил сомнение в способности новгородцев устоять против в два раза более сильного противника.

– Ведмедя, княже? Кулаком? – спросил Казце.

– Ведмедя! Кулаком! – подтвердил Гостомысл.

Русалко уже выстраивал свою сотню пятью рядами под утесом. В каждый ряд встало по два десятка конных стрельцов. У каждого в руке было зажато по три стрелы. Видимо, сотник посчитал, что этого должно хватить, и дал такую команду. Князь-посадник в командование стрельцами не вмешивался. Русалко свое дело сам знал хорошо, и даже лучше князя умел расставить своих стрельцов, зная кто и на что способен.

Сотник Бобрыня тем временем свою полусотню уже разогнал прямо посреди русла. Лед, покрытый только небольшим снежным покровом, к тому же достаточно жестким, спрессованным ветром, позволял набрать достаточно высокую скорость. Полусотня выскочила из-за скалы, но очень долго не могла остановиться и развернуться. Князь-посадник выпрыгнул из седла, бросил повод, и сделал три десятка шагов вперед. Одиночного пешего воя издали труднее различить на снегу, в отличие от всадника. Тем более, он привстал на одно колено, и так наблюдал за происходящим. К Гостомыслу приблизился, и встал рядом проводник Казце. На оба колена сразу встал, понимая, зачем князь прячется. Оба стояли рядом с первым рядом стрельцов, пока еще рассматривающими свои луки, и неторопливо разминающими плечи.

Вдалеке видны были вои в шапках с хвостами, хотя трудно было разобрать, лисьи это хвосты или еще какие-то. Проводник, похоже, ошибся в подсчетах. Там было никак не меньше четырех сотен, как определил Гостомысл. Но среди них было около сотни в шлемах, как у славян, и в кольчугах. Князь-посадник издали подумал бы, что это славяне. Пленники были

привязаны к одной общей веревке. Всех пленников уже вывели на лед реки. И именно кто-то из них увидел, видимо, приближение полусотни Бобрыни, потому что закричал в надежде на помощь сначала один, потом и все вместе закричали. Вои, что напали на поселение, резко осадили коней, и встали строем. Но это был не боевой, а походный строй. Сотня, что походила вооружением на славян, тоже выстроилась на льду. Командовал всем действием человек в длинном черном плаще, сидящий на рыжем коне. Этот человек закричал что-то, и махнул рукой, посылая свою конницу вперед.

Бобрыня тоже все это наблюдал. Он неторопливо развернул свою полусотню, и медленно стал набирать скорость, тогда как преследователи мчались во всю силу своих лошадей, на ходу разворачиваясь в атаковую лаву.

– Русалко! – позвал Гостомысл.

Мощный конь сотника стрельцов тут же остановился рядом.

– Там человек на рыжем коне, который нападением командует. Он мне нужен. Добудь его живым. Достанешь коня? – Гостомысл посмотрел на стрелу, уже зажатую между пальцами сотника. Князь-посадник вспомнил, как Русалко убивал коней под свейским конунгом, не позволяя тому убежать, и желал повторения.

– Далековато. Но я попробую.

Рядом с тем человеком, что гарцевал на рыжем тонконогом коне, остался только десяток воев. Из этого можно было сделать вывод, что человек это не простой, и держит при себе охрану. Может себе такое позволить.

– Действуй... Вспомни свеев. Тоже река. Так же – бей...

Русалко отъехал к своей сотне, дал какие-то команды. Подождал какого-то одному ему ведомого момента, потом сам натянул свой большой лук.

Преследователи уже не сомневались в том, что они догонят полусотню Бобрыни. И разогнались так, что не могли остановиться. И даже поворот реки могли бы проскочить по инерции. Но не успели, потому что раздался звонкий характерный треск – это послышались удары тетив по защитным дощечкам на левой руке каждого стрельца. Но треск этот не стал единичным явлением, и продолжился почти без перерыва. Проводник Казце никогда и предположить не мог увидеть такое зрелище. Он опомниться не успел, а все преследователи вдруг превратились только в коней. Так Казце показалось. Будто бы и не люди это были в шапках с лисьими хвостами, а какие-то оборотни. И только через мгновение проводник сообразил, что стрелы новгородских стрельцов просто выбили преследователей из седел. А сотник Бобрыня остановил свою не успевшую разогнаться полусотню, снова развернул, и послал воев ловить коней.

Тем временем и сам сотник Русалко послал стрелу, которая выбила из седла одного из воев, окружающих человека в черном плаще. Расстояние все же для точного прицеливания было великоватым. Не все, что глаз видит, может точно поразить стрела. А посылая стрелы наугад, просто в некую массу, стрельцы не привыкли. Русалко дал команду, и сразу послал коня вперед. За ним устремился только один десяток. Человек в черном плаще не понял, видимо, что произошло с его отрядом. Он видел только приближение десятка стрельцов, и без сомнения свой десяток повел навстречу. Но уже на более короткой дистанции, когда можно было различить бородатые лица противников, Русалко дал резкую и громкую односложную команду:

– Бей!

Лошади не стали бежать медленнее, но луки поднялись, стрелы сорвались, и человек в черном плаще вдруг обнаружил себя в одиночестве, лежащим лицом в снегу. Все его окружение было перебито, и конь его со стрелой в груди лежал за спиной, через которую всадник перелетел. И в этом полете его черный плащ распустился хвостом какой-то страшной птицы. Но полет продолжился недолго. Однако сдаваться вой не пожелал. Он резко вскочил, выхватил меч, и поднял его над головой, словно пригрозил. Русалко убрал лук, и тоже обнажил меч, что достался ему после захвата конунга Эйстейна Оборотня. Но опробовать новое оружие сотник

стрельцов не успел. Кто-то из недавних пленников человека в черном плаще сам освободился от веревки, с веревкой же в руках подскочил к своему пленителю сзади, и набросил тому на шею петлю. И после этого передал конец своей веревки другим пленникам, и что-то крикнул. Те, еще не успев собственные шеи от другой веревки освободить, дружно побежали по льду, и поволокли за собой человека в черном плаще. И бежали при этом так быстро, что Русалко даже коня гнать не стал, он уже увидел, что у этого человека голова свесилась набок, как у мертвой птицы. Значит, петля сломала ему шею, и, если не задушила, то все равно убила. Но, в отличие от полета с убитого коня, внизу хвост птицы не распушался, а только жалко волокся по снегу.

Русалко убрал меч в ножны, и поднял руку, приглашая к себе князя-посадника Гостомысла и всех остальных. Сам он стоял уже в окружении снимающих со своих шей веревки людей. Многие, освободившись, сразу пустились бежать в сторону горящих и дымящих зданий поселения, надеялись, наверное, хоть что-то в своих домах спасти от пламени. Но многие остались на льду, и что-то говорили на незнакомом сотнику стрельцов языке.

В отряде сопровождения Гостомысла больше не было коня с таким длинным хвостом, как конь Русалко, и проводник Казце не рискнул ухватиться за более короткий хвост другого коня, опасаясь, что при скачке конь лягнет его. И потому новгородцы прискакали раньше, чем приехал лыжник. Но освобожденные пленники, похоже, плохо говорили на славянском языке, а языка меря никто из воев не знал. Видимо, в этом поселении имели меньший контакт со славянами, чем в том, что посетил отряд раньше. Хотя земля эта была заселена на другом берегу, преимущественно, славянскими поселениями, но эти поселения были редкими, и далеко отстояли одно от другого. И только один разведчик стрельцов Космина, некоторое время прислушиваясь, все же нашел кого-то, кто выкрикивал славянские слова благодарности. Но пока Космина что-то расспрашивал несостоявшегося раба, подоспел и Казце, который начал быстрые расспросы, хотя сразу объяснять все князю-посаднику не стал. Но потом, завершив расспросы, с опущенной головой и мрачным выражением лица все же подошел к Гостомыслу.

– Не вели, княже, казнить за нехорошую весть...

– Говори, – потребовал Гостомысл.

Казце кивнул в сторону так и лежащего с петлей на шее человеку в черном плаще.

– Нам сильно не повезло, княже. Это – воевода Жань.

– Мне это имя, признаюсь, ничего не говорит, – усмехнулся Гостомысл. – А что касается того, кому сильно повезло, кому не очень, а кому вообще – нет, то, на мой взгляд, этого воеводу Женя трудно считать любимчиком судьбы.

– Жань – воевода князя Изявлда. Он прибыл сюда с наемным отрядом болгар. Послал его сам князь Изявлад, чтобы пригнал на городские работы местных плотников. Это обычные действия нашего князя. Он никогда не нанимает работников. Он их просто захватывает в рабство из своего же народа, и заставляет несколько лет работать на него бесплатно, только за то, что он их кормит. Да и кормит-то так, что добрая четверть, говорят, с голода умирает. Сам Изявлад говорит, что это такой налог, за то, что он защищает поселения от набегов врагов. Но на деле он никогда при набеге за городские стены со своей дружиной не выходит. За стенами отсиживается. У Ростова стены высоки. А Изявлад решил их еще выше нарастить. Ему нужны плотники-строители. Вот он и решил целое поселение плотников в рабство забрать.

– Своих же людей – в рабство? – удивился князь-посадник, ранее с подобным не встречавшийся. – А сами люди куда смотрят? Нечто плотницкий топор для боя непригоден? Наши плотники только черенок на топоре меняют, длинный и прямой ставят, и с теми же топорами в сечу идут. У них каждый удар выверен. Один удар, и врага больше нет.

– А что сделаешь, когда княжеская дружина вместе с булгарами налетает, никого не спрашивает, селение сжигает, а людей угоняет. Да и рука у многих против своего же князя не поднимается. Мы же народ по природе своей мирный. Так богами задумано – волхвы нас учат. Не все, конечно, волхвов слушать хотят. Но многие слушают, верят им.

– Я видел, как вы, мирные, приготовились мой отряд встречать... – усмехнулся Гостомысл.

– Так, то – чужой отряд шел. А здесь свой князь...

– Попался бы он мне под горячую руку, перестал бы князем быть, – сказал сотник Бобрыня. – Как можно свои же поселения жечь!

Проводник Казце посмотрел на сотника с испугом, ожидая, видимо, что князь-посадник резко осадит сотника своей дружины, соблюдая княжескую солидарность. Но Гостомысл задумался, глядя, как по берегу поднимаются, опустив печальные головы, к своим сгоревшим домам местные жители.

Наконец Гостомысл что-то осмыслил, и спросил проводника:

– И что, так и собирается ваш народ в рабстве у своего князя жить?

– В минувшую осень старосты разных поселений собирались, советовались, как дальше жить. Терпение у всех кончается. Но не всем так вот помощь приходит, как здесь. Так ни до чего и не договорились. Со своей земли нам податься некуда.

– А вы с землей вместе подайтесь, – подсказал сотник Русалко.

– Это как? – не понял Казце.

– А просто. Перейдите всем селением под руку князя Бравлина! – неожиданно для себя предложил вдруг князь Гостомысл. Еще мгновение подумал, и направил коня на берег, чтобы посмотреть на погорельцев в их селении. – Поехали, Казце. С людьми там поговорим. Мне есть, что им сказать...

Проводник, кажется, воодушевился словами князя-посадника, и, поскольку сам он за конем подниматься в гору не успевал, а сотник Русалко направился вслед за Гостомыслом, Казце снова ухватился за хвост игреневого коня, и, таким образом, не отстал.

Как всякое селение, и это имело свою небольшую площадь, где обычно происходили сходы общины. Правда, раньше площадь окружали дома, а теперь только обгорелые остовы. Обычно площади окружены самыми богатыми домами. Но такие грабят и сжигают в первую очередь. Там, в окружении этих остовов и собрался народ. И высокий, сухощавый, но все же широкоплечий мужчина средних лет говорил всем что-то на своем языке. Русалко узнал того человека, который набросил петлю на шею княжескому воеводе Жаню, а потом дал команду другим пленникам тащить веревку. Среди толпы появились и женщины, и дети, но многие из них были еще привязаны к одной общей длинной веревке.

Гостомысл спросил Казце.

– А женщины с детьми что? С ними что произошло?

Проводник обратился к местным жителям. Ему объяснили. Казце, скрипнув зубами от злости, перевел:

– Женщин и детей воевода Жань отдал за работу княжеским булгарам. Просто подарил, словно вещь из своего кармана вытащил. Их, булгар, у князя Изявлда больше тысячи служит. Постоянно людей в рабство угоняют. Караванами отправляют к себе, в Булгар. Этим только связали, отогнать не успели. Увидишь, княже, Изявлда, скажи ему, что у народа терпение не вечное. Мы его предупреждаем. Так люди говорят. Вон, староста местный говорит от лица всего народа, что больше княжескую дружину они в свое поселение не пустят. С топорами и вилами встретят, пусть даже их сам Изявлд приведет.

– Этому Изявлду следовало бы с Буриваем встретиться, – сказал Бобрыня. – Все бы одним ударом решилось. Наш Буривой за своих людей всегда стоял. Да и чужую правду уважал. Это был небольшой перебор, но Гостомыслу все равно было приятно такое слышать.

– Да, Изявлд внешне на ведмедя похож, – согласился Казце. – Даже походка такая же косолапая. И глаза медвежьи.

– Меня батюшка тоже учил медведей кулаком бить, – сердито заметил Гостомысл. – Правда, я еще не пробовал. Но попробовать, видимо, придется... Казце! Спроси людей, хотят

ли они перейти под руку князя словен и вагров Бравлина Второго³⁵, который защитит их от любого нашествия, как защитил свой город, разбив и уничтожив девять тысяч свеев, не потеряв ни одного своего воя убитым. Были только ушибленные. Но ушибы быстро забываются. И четыре тысячи свеев в плен захватил.

Проводник вышел на середину площади, встал рядом с высоким старостой, и начал громко говорить, иногда показывая рукой на реку. Видимо, напоминал о происшедшем, и о побоище болгар и княжеских дружинников новгородцами. Община, собравшаяся вокруг, одобрительно загудела. Наверное, проводник обладал даром красноречивого и убедительного оратора. Говорил он долго, время от времени меняя интонации. Гостомысл несколько раз услышал произнесенное имя князя Буриvoja и свое имя. А потом прозвучало и имя князя Бравлина. Значит, вопрос о переходе под новгородскую руку был поставлен. С разных сторон прозвучали встречные вопросы. Но отвечать на них, очевидно, предстояло Гостомыслу. Это он понял, считая, что так и быть должно, и выехал вперед, остановив коня рядом с проводником Казце, и местным старостой. Основное опасение поселян сводилось к тому, что, попав в новое княжество, они останутся в том же положении, и мера не видели причины переходить из рабства в рабство. Пришлось князю-посаднику объяснять отношение славян к рабству вообще, и к рабству своего народа, которое, в принципе, в княжестве не допускалось. Даже смерды в новгородских землях жили свободными людьми, и никто не имел право заставить их работать на себя. Даже за деньги. Тем более, бесплатно. Существовали работы, которые все делали сообща, на общее благо. Но отказ от таких работ у славян считался позором, и желающих покрыть себя позором в общинах не находилось. В ответ мера сообщили, что и у них бывают общественные работы, в которых участвуют все, и никто не требует за это плату. И они не видели в подобных отношениях ничего странного. Иначе было не выжить.

Был произнесен и естественный вопрос, который был у всех в головах, но произнести который долго никто не решался. Сможет ли новгородское княжество, находящееся так далеко, защитить отдаленные поселения?

– Другой берег реки – это уже наша коренная земля, – объяснил Гостомысл. Далеко ли от вас до ближайшей крепостицы?

Князю ответили. Проводник перевел:

– На другой берег переправиться, и час пешком по берегу. Крепостица прямо на утесе стоит. Гарнизон – три десятка воев и десяток стрельцов. Только стены свои и смогут защитить. А вот в помощь поселению выйти – сил у них не хватит. Конечно, тут и до Торжка недалеко. Если только оттуда подмога придет. Но пока она еще придет...

– А сможете вы у себя крепостицу возвести? Топоры у вас не затупились?

Князь-посадник даже без перевода понял, что возгласы из собрания раздаются одобрительные. Построить крепостицу мера брались быстро. Даже зимой. А уж летом под углы камни подведут. Так объяснил Казце. И через полторы Поладеницы, если надо, крепостица стоять будет.

– Тогда я вам оставлю для начала два десятка воев, они свяжутся с крепостицей на другом берегу, и установят друг для друга сигналы.

– Не мало будет – два десятка? – прозвучал вопрос.

– Больше оставить не смогу. У самого людей мало. А мне путь долгий предстоит. Кроме того, плотники – разве плохие вои? Плотники словен в военную пору черенки топоров меняют на длинные, которые всегда в запасе у них есть, а в сече топором бьют точнее самого опытного

³⁵ В «Повести временных лет» город Ростов упоминается в записи за 862 год, как принадлежащий Рюрику город, где живут мера. Когда город перешел во владение Новгорода – истории неизвестно. Потому автор предлагает свою версию этого перехода. Но Рюрику город достался уже большим и развитым, с собственной инфраструктурой, следовательно, резонно предположить, что Ростов до этого существовал хотя бы пару веков. И известно имя основателя города, который и дал ему свое имя – князь Ростислав. Ростислав, сокращенно – Рост.

воя. За себя, за свою свободу, вы сами тоже должны драться. Своих жен и детей защищать обязаны, как всякие мужчины. Или не сможете создать свою дружину? Тогда пусть Казце вам объяснит, как в их поселении дружина создавалась...

Толпа загудела. Казце перевел следующий вопрос, который, наверное, задавался чаще других, и звучал с разных сторон небольшой площади.

– А оружие, княже, нам дашь?

Годослав понял, к чему этот вопрос задается.

– Нечто я с собой для вас оружие привез? Вон, на льду много оружия осталось. Берите. На всех хватит. И булгары там лежат, и княжеские дружинники. Там и доспех, и оружие. И коней их вам оставлю.

Меря – народ совестливый. Считали, что не они булгар и дружинников перебили, значит, оружие и доспехи не им и принадлежат, как и кони. Не все так к чужому относятся, хорошо знал Гостомysl. Но уважать стал меря еще и за совестливость...

* * *

На постой решено было остаться в этом поселении, но часовых на ночь сотник Бобрня выставил парных, местного лыжника и своего воя. Правда, в поселении после пожара уцелело всего несколько домов, и в них на ночь собрали всех детей. В домах и шагу ступить было него, не наступив на чью-то руку или ногу. Сами плотники уже приступили к строительству землянок. Копали землю, рубили срубы. Всю ночь слышался стук топоров. Если в первом поселении меря было больше землянок, и всего один дом, то в этом, несравненно большем, землянок изначально почти не было. Здесь стояли добротные дома, кое-где и в два этажа. Но к утру, когда князь-посадник Гостомysl вышел из палатки в поселение, он увидел уже множество готовых землянок, над которыми вился дым – печей в землянках не ставили, в отличие от землянок в Новгороде, предпочитая топить «по-черному», выпуская дым через отверстия в крыше. А ночь самому Гостомysлу, как и все его сотникам и воям, пришлось провести в высокой конической палатке. Эти палатки передали на весь отряд князь-посадника вои-вагры. Каждая палатка была оборудована небольшой компактной металлической печью, которая и грела, и давала возможность приготовить горячую еду. Сама печка для перевозки укладывалась в кожаный мешок, и перевозилась переметной сумой на крупе «заводной» лошади, вместе с самой палаткой и запасом пропитания. Князь Бравлин гордился, что его вои имеют такие палатки, обеспечивающие и тепло, и определенные удобства в военном походе. Гордость князя была понятна. Он сам, лично пробовал жить в такой же палатке, и сам додумывал, что нужно сделать, чтобы воям поход давался легче. Палатки в армиях известны еще со времен Древней Греции, и король франков Карл Каролинг всю свою многочисленную армию держал в палаточных лагерях. Но у франков в палатках не было печек, и потому им плохо давались зимние походы. Бывали случаи, слышал Бравлин, франки засыпали благополучно, но не просыпались, замерзнув во сне. Особенно часто это случалось в горах Северной Италии во время самого начала Лангобардского похода против короля Дезидерия в семьсот семьдесят четвертом году, когда Карл потерял от морозов десятую часть своей армии. Бравлин же, живущий в более морозных широтах, подсмотрел, как устроены печи у викингов на драккарах, и приказал своим кузнецам во множестве готовить такие же, только меньшего размера, чтобы в палатке места много не занимали, но помещение грели, легко разбирались, и перевозились на крупе лошади. И теперь словене, слившись с ваграми в одно племя, тоже пользовались плодом инженерного ума князя Бравлина Второго. И были ему за это благодарны. Бравлин вообще внес в жизнь словен много нового, что существовало в его племени, и теперь перешло к словенам. А что хорошего было своего у словен, то получали себе и вагры. Так, вагры сразу, вместе со строительством города, начали строить и ремесленные цехи. Причем, такие, о деятельности кото-

рых словене раньше и не знали. Например, появились мастерские стеклодувов, и стеклянная посуда быстро нашла себе место в разросшемся городе из землянок. Появились и кирпичные мастерские, что делали из глины кирпичи для строительства сначала только фундаментов под дома. Но, как обещал Бравлин, со временем, когда таких мастерских станет больше, и дома начнут возводить из кирпичей, и городские стены тоже.

В поселении меря же об этом пока и не думали. Одновременно со строительством землянок местные жители занимались и скорбным делом. Обычай не позволяли меря оставлять на льду тела убитых. Считалось, как объяснил проводник, что не сожженный убитый в виде духа будет жить там, где его настигла смерть, и мстить другим людям, живым, преследуя их. И потому всех, и болгар, и княжеских дружинников вместе с воеводой Жанем притащили на берег, разоблачили, разделили между собой доспехи и оружие, а самих убитых складывали на большие костры, и сжигали. Этим скорбным делом заведовал проводник и переводчик Казце, у которого нашлось немало помощников, в основном, из молодых меря, еще не получивших полномочий мастеров-плотников, и потому не занятых в ночном строительстве. По настоянию того же Казце, кто-то из молодых погорельцев сбегал на лыжах в лес, срубил молодую безлистную по сезону осинку, и вбил кол в спину мертвому воеводе Жаню.

– Слухи ходят, что Жань кровь младенцев пил, чтобы молодым оставаться. А ему же уже за семь десятков, – рассказал сам проводник князю-посаднику, объясняя необходимость странного действия.

Гостомысл удивился не самому действию, а внешнему виду убитого воеводы, лицо которого все еще сохраняло живую свежесть. Внешне он дал бы воеводе Ростова не больше сорока лет, но, только после того, как в тело вбили осиновый кол, лицо резко покрылось множеством морщин, словно естественный возрастной вид приобрело.

Новгородцы были менее суеверны, чем меря. Они сжигали тела только своих погибших, оказывая им почет и уважение. А тела свеев, тех, кого не унесла река в прорубях, оставили на льду Волхова. Снег стает, все равно унесет. По новгородским поверьям, унесет их к родным свейским берегам. И пусть там свейские духи живут, пусть тамошних жителей пугают и изводят, чтобы больше никто не надумал на славянские земли приходить.

Конечно, это тоже было суеверием. Но люди всегда склонны чужие обычаи считать суевериями, а свои воспринимать за правильные. Так человеческое общество всегда, во все века, минувшие и нынешние, устроено.

С телами убитых молодые меря справлялись сами. Проводник Казце, уже облаченный в чуть великоватую ему красиво разукрашенную пластинчатую кольчугу, вместо своей заячьей шапки водрузивший на голову шапку с лисьим хвостом и с металлическим перекрестьем поверху, снятой с какого-то убитого болгарина, опоясавшийся широким поясом, и прицепивший к поясу широкий односторонний кривой меч в ножнах, и оттого сначала плохо узнаваемый, увязался за князем-посадником, как только тот из палатки вышел. Все показывал и объяснял ему. В том числе, и показал место, где будет крепостица стоять. И даже начертил пальцем на снегу чертеж крепостицы с внутренними помещениями-казармами и конюшнями рассчитанными, как он сказал, на пять сотен конных воев. На вопрос Гостомысла, зачем нужна такая большая крепостица, Казце резонно ответил, что, если подступит враг, жители поселения за высокими стенами спрячутся до времени, когда подмога подоспеет. За стенами можно долго отсиживаться, и отстреливаться. Особенно, если есть запас воды и провизии. Но поселенческие меря не случайно выбрали под сооружение крепостицы конкретное место. Они знали, что там под землей речка пробегает, значит, можно внутри крепостицы и пару колодцев вырыть. И погреба для хранения продуктов, когда ближе к подземной воде расположены, лучше хранят летом прохладу, а зимой тепло.

Против такой предусмотрительности Гостомысл возражать не стал. По этому же принципу стоил крепости и крепостицы когда-то сам князь Буригой, если оборонительные сооруже-

ния находились вблизи города или поселения. Городов в Бьярмии почти не было, были только поселения. Но возле самого крупного города, который так и назывался – Бьярмия, была построена большая крепость Карела, в которой население города всегда могло найти защиту. Но и у самого города стены были укреплены и защищены на возможность длительной осады. Не зря варяжский князь Войномир долго кружил вокруг города, и искал к нему подступы. Искал, пока сам в плен не попал. По тому же принципу, что Бьярмия с Карелой, строился город Ладога и крепость с таким же названием. Только там крепость находилась, по сути дела, в самом городе, и была чем-то средним между крепостью и кременцом. Но, если бы не выдержали городские стены, в крепости всегда можно было укрыться горожанам. Места хватало на всех.

– Кто план крепости составлял? – только поинтересовался Гостомысл.

– Староста Зоря. У него опыт есть. Он две крепостицы князю Изявладу возводил. Обе, говорит, без платы. Просто угоняли из поселения, и в работы. В Ростове и сейчас три десятка местных плотников трудятся. Зоря боится, как бы они не пострадали за то, что здесь дружину княжескую перебили. Но пока слух до Ростова доберется...

– А у них топоров в руках нет? – спросил князь-посадник.

Это уже походило на совет. И Казце признался:

– Вот Зоря и хотел спросить у тебя разрешения. Человека к ним надумал послать. Чтобы топоры на длинный черен пересадили, прорубились через дружины, и вместе с другими по домам отправились.

Гостомысл только плечами пожал.

– А я-то здесь при чем. Считает нужным, пусть посылает. Его люди...

– Еще вопрос Зори. Ты, княже, поедешь к Изявладу? Может, Зоря с тобой своего человека отправит? Проводником, дескать...

– Теперь, думаю, мне там делать уже совсем нечего. Меня стрелами встретят. Мне теперь дорога только напрямую в Муром лежит. Далеко это?

– Далече. Дальше, чем до Ростова, почитай, вдвое. Но если Зорю попросить, он тебе проводника даст. Есть у него мужчина из самого Мурома. Дорогу покажет.

– А ты?

– А что я?

– Дорогу показать... Я уж как-то по привычке к тебе.

– Я в Муроме не бывал никогда. И дорогу не знаю. Да и домой мне пора. Нам тоже, чаю, след у себя крепостицу возводить. Поменьше, конечно, здешней, но, хотя бы, как те, что у варягов на реке стоят, надо, княже. Изявлад может и до нас добраться, хотя раньше к нам не ходил...

* * *

Завтракали здесь же, среди своих палаток и в палатках. В поселении почти все припасы погорели. Местные жители захватили припасы перебитой княжеской дружины и дружины княжеских болгар, благо, те везли с собой целых три воза – не иначе, по дороге обирали встречные поселения, чтобы в город доставить и продать ростовцам³⁶. На какое-то время местным жителям этого могло хватить, а дальше уже видно будет. Выручат охота и рыбалка. И потому новгородцы обходились тем, что везли с собой. Разогревали на печках замерзшую пареную репу, прямо на костре, предварительно на нож или на меч насадив, грели уже жареную кабанятину. Хлеба с собой взяли вдоволь, должно было хватить почти на весь длительный путь. А если не хватит, рассчитывали прикупить уже в земле кривичей, где поселения не такие бед-

³⁶ Жители Ростова Великого зовут себя ростовцами, в отличие от жителей Ростова-на-Дону, которые зовут себя ростовчанами.

ные, как в земле мера. В тех поселениях и торги могут быть. И даже должны быть обязательно. В малых поселениях торгов не бывает, и из малых поселяне обычно ездят в крупные, чтобы там необходимое подкупить. Или что-то свое продать. А миновать земли кривичей никак не получится. Обязательно придется через земли сначала смоленских кривичей идти, потом через земли кривичей полоцких.

Сразу после завтрака начали собираться в путь. Староста Зоря привел низкорослого крепкоплечего и внешне неуклюжего мужичка с широкой и длинной, до пояса, бородой-лопатой, который не подобрал, видимо, по своей фигуре кольчугу, и прямо поверх толстого армяка, перепоясанного кушаком, нацепил на грудь пластинчатый стальной нагрудник с чернением. Но с простенькой своей шапкой из верблюжьей шерсти, только по краю обшитой линиялым заячьим мехом, не расстался. Однако, и шлем на его голову подобрать было, видимо, трудно. Голова соответствовала не росту, а ширине плеч, на которые можно было, казалось, лошадь взвалить. К кушаку мужичок привесил все-таки меч в ножнах, который постоянно норовил зацепиться ему за ноги, и мешал ходить. Но главное, что отметил в мужичке князь-посадник – необыкновенная хитреца в глазах, отличающая его от простоватых и добрых местных мера.

– Это Кля, ваш проводник. Он три года назад из Мурома от хозар убежал, и к нам пристал.

– Не из самого Мурома, – признался Кля. – Из недалеко деревеньки, что под Муромом. Но я домой и в прошлую зиму уже ходил. И до того навевывался. Дорогу знаю. Прямоком проведу, не глядя в сторону Ростова. Дорогой, которой летом не пройти. Летом кругом болота и топи, увязнуть и совсем сгинуть недолго.

– А что дома-то у тебя? – поинтересовался Гостомысл. – Остался у тебя кто? И стены есть?

– Дома жена, трое детей. Помогаю, чем смогу.

Мужичок Кля пришел со своими лыжами, похожими на лыжи Казце, и со своим шестом, более тяжелым, сходим с доброй оглоблей. Но шест этот в его руках казался соломинкой. Так легко Кля им управлялся.

– На лыжах пойдешь или коня тебе дать? – спросил сотник Бобрыня.

– Могу и на лыжах, могу и верхом. На коне-то, оно, конечно, сподручнее. Так поскорее выйдем ехать. И устатку меньше...

Прощание было не долгим. Князь посадник дал последние наставления Казце, что сказать своему старосте Идаричу. Сам Идарич показался Гостомыслу разумным и здравомыслящим человеком, и не таким горячим, как староста Зоря. Идарич пять раз подумает перед тем, как петлю кому-то на шею набросить. Но, поскольку Казце рассказывал о сборище старост разных поселений мера, значит, сборище это снова будет. Идарич был тем человеком, который сможет старост собрать у себя в отдаленном от княжеского пригляда поселении. И там надо будет что-то решать. И решение это мог бы направить этот самый Идарич. Однако и самого Идарича тоже следовало направить. Напрямую с ним пока поговорить невозможно. Но через проводника можно и передать все необходимое. А, если будет необходимость, пусть старосты сообща гонца шлют в Новгород. Не застанет там гонец самого Гостомысла, пусть к князю Бравлину Второму пробивается. Пусть скажет, что так князь-посадник велел. После этого обязательно пропустят. И что нужно гонцу будет, пусть спросит. Бравлин поймет, потому что будет в курсе всех событий. А чтобы держать князя Бравлина в курсе уже произошедших событий, требовалось гонца послать уже в Новгород. Конечно, лучше всех справился бы с такой задачей сотник Русалко. Но сотник стрельцов был еще нужен Гостомыслу в такой дальней поездке, поскольку неизвестно где и какая опасность поджидает отряд впереди. А сотня без сотника – это не войско, а толпа. Да и как советником в трудных вопросах Гостомысл Русалко дорожил. И потому князь-посадник выбрал в гонцы человека уже проверенного – стрельца Космину. Он и сообразительный, и с памятью своей дружит, и, что сказать, всегда найдет. Немножко

многословный, но Бравлин сумеет заставить Космина говорить только то, что говорить нужно. И выпытает то, что Космина сказать забудет.

Пока князь-посадник объяснял Космину, что следует передать Бравлину, а передать следовало много, уже почти рассвело. Потом пришлось еще дожидаться, когда Космина вместе с Казце отправится в обратный путь. Казце, как договорились, доведет стрельца до своего поселения, а дальше разведчик уже один пойдет по руслу Ловати, не сворачивая со льда. Заблудиться там невозможно. И вообще в землях варягов-русов опасности встретиться не должно бы, да и сам Космина такой человек, что сумеет из любой переделки выкрутиться.

И только тогда, когда всадник с лыжником скрылись за утесом на повороте реки, князь-посадник Гостомysl развернул своего коня. Его вои уже стояли строем, и только ждали команду. В первом ряду, вместе с Русалко и Бобрыней, сидел на коне низкорослый и широкоплечий проводник Кля, готовый и даже рвущийся побыстрее тронуться в путь. Он и без оказии намеревался семью навестить, а тут и оказия такая подвернулась...

Глава седьмая

От площади до дворца было пятьсот шагов, в обратную сторону, понятно, столько же. А дальше необходимо было только площадь перейти – еще пятьдесят шагов. Седлать коней для себя и своей свиты князь Войномир не велел, хотя бы отсутствием лени он хотел отделить себя от бояр как можно дальше. Пусть это и внешняя форма, тем не менее, она в глаза бросается. Но бургграф воевода Славер взял для охраны и для солидности охрану из полусотни стрельцов, что прибыли вместе с князьями на остров, и полусотни своих воев. Эта сотня конным строем взяла князя и его сопровождающих в прямоугольное окружение, причем, стрельцы, согласно приказу бургграфа, сразу вытащили луки из налучья, и наложили на тетиву по одной стреле, показывая свою готовность произвести при необходимости выстрел без промедления. А о быстроте, с которой славянские стрельцы действуют, складывали сказки. Это служило предостережением тому, кто задумал бы недоброе. И таким строем все двинулись в сторону храма, перед которым вои остановились, и расступились, рассредоточиваясь полукругом по площади, пропуская Войномира с Дражко, Славером, Волынцом и Ставром к дверям храма Яровита. Бояре совета, как доложили Войномиру, были там уже в полном составе, ждали только прибытия самого князя, чтобы начать службу, и потому стрельцы никого постороннего на службу не допускали. Вообще-то это было вопреки обычаю, потому что на праздничную службу приходили все желающие. Но в Коренице было еще два храма, и желающих вежливо, только заматываясь острием копья, но никого не подколов, отправляли туда. Тот же обычай говорил, когда служба проходила при участии князя, посторонних на нее не допускали из-за мер безопасности. Впрочем, так было только в Арконе, где княжеские службы всегда раньше и проходили. Но Славер решил, что и здесь должно быть все так же, как там, и передал свои распоряжения верховному волхву храма Яровита.

Таким образом, выход Войномира показался всем и торжественным, и грозным. Что могут стрелы стрельцов, в городе понимали, кажется, все, как все знали, какое малое время требуется стрельцу на прицеливание. В сложной обстановке стрелец вообще не прицеливается, как обычно. То есть, он не оттягивает правой рукой тетиву с наложенной на нее стрелой в сторону глаза, а эту тетиву просто держит у глаза, как и стрелу, и выбрасывает вперед, в сторону цели, только левую руку вместе с луком, словно пальцем в кого-то показывая. Это сокращало время прицеливания втрое, хотя, конечно, влияло на саму прицельность. И такая охрана пугала бояр, не входящих в боярский совет, и потому оставшихся на улице, и их людей, изначально пожелавших отстоять службу в этом храме. И никто не решился возразить, когда его не пропускали, и направляли в другой храм. Стараниями бояр слух о том, что новый князь будет творить власть жесткую и даже жестокую, разлетелся быстро, и многих заставил содрогнуться, и подумать о своем неясном будущем, темно связанным с мутным прошлым. Это было как раз то, что требовалось князю Войномиру, и что он просил обеспечить бургграфа и воеводу Славера. Славер впечатление умел создавать. Внешние атрибуты и общее настроение, по мнению князя, должны были сыграть свою немаловажную роль в наведении порядка на Руяне...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.